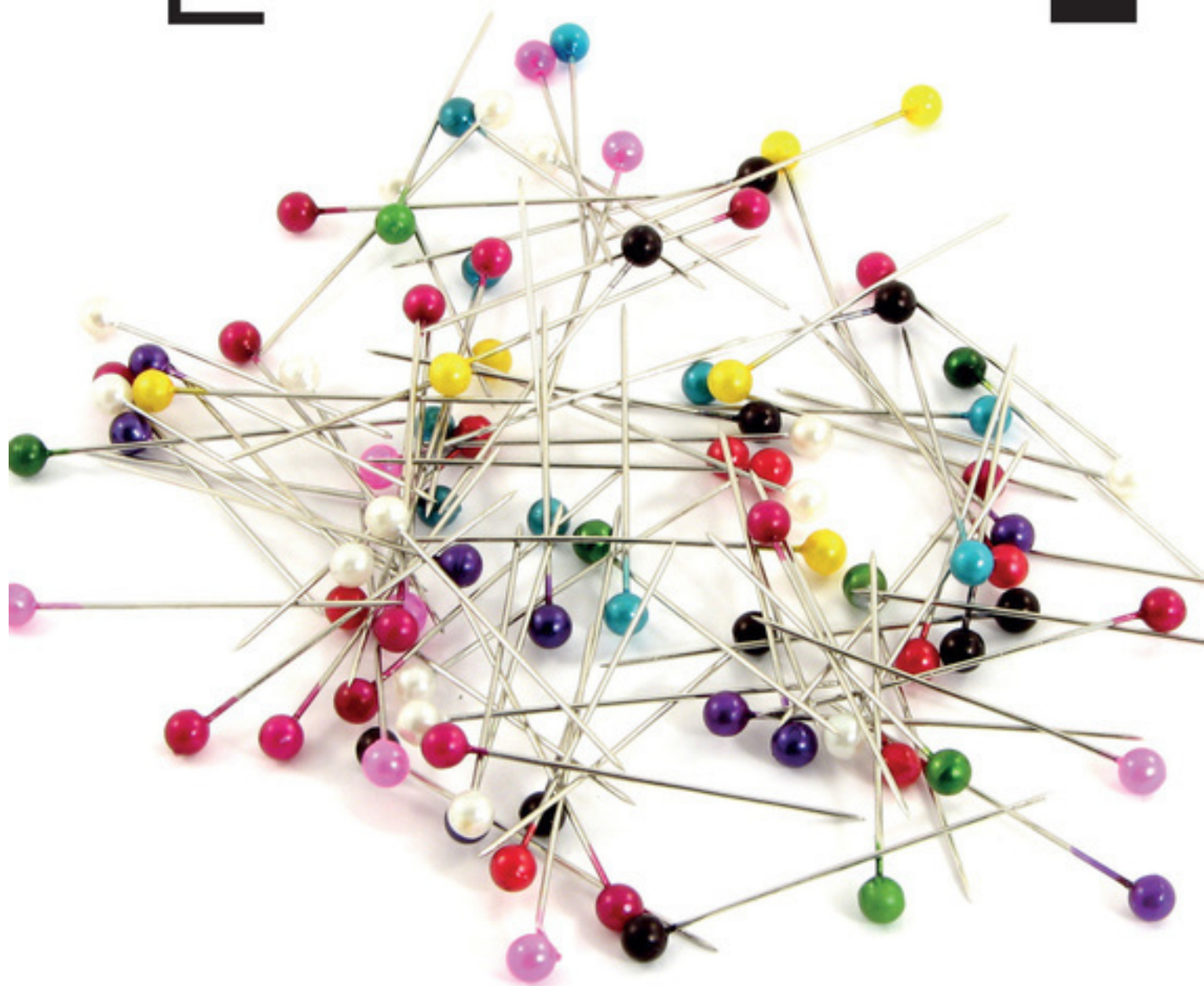


Яков
Гилинский

ДЕВИАНТНОСТЬ,
ПРЕСТУПНОСТЬ,
СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ
В ОБЩЕСТВЕ
ПОСТМОДЕРНА



Яков Ги́линский

**Девииантность, преступность,
социальный контроль в
обществе постмодерна**

«Алетейя»

2017

УДК 343.9
ББК 67.51

Гишинский Я. И.

Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе
постмодерна / Я. И. Гишинский — «Алетейя», 2017

ISBN 978-5-906910-40-0

Четвертый по счету сборник статей автора (предыдущие изданы в 2004, 2009 и 2013 годах) включает избранные статьи, опубликованные в основном в период с 2013 по 2016 годы. В них представлен авторский взгляд на преступность и отдельные ее виды, на социальный контроль над преступностью и девиантными проявлениями, на творчество как позитивную девиантность, а также рассуждения об экономических, социальных процессах в современном обществе постмодерна, влияющих на состояние и динамику преступности и девиантности. В сборник включены две статьи на английском языке, изданные за рубежом. Книга рассчитана на специалистов – юристов, социологов, политологов, а также широкую читательскую аудиторию.

УДК 343.9

ББК 67.51

ISBN 978-5-906910-40-0

© Гишинский Я. И., 2017

© Алетейя, 2017

Содержание

Предисловие	6
О глобальном[1]	7
От автора	8
Онтологический трагизм бытия или размышления малицириста	9
Прорвало плотину...	9
Sub specie aeternitatis	11
Человеческое, слишком человеческое...	14
По ту сторону отчаяния...	18
Non sequiter, или Рассудку вопреки	20
«Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций[2]	21
Запрет как криминогенный (девиантогенный) фактор[34]	29
Торговля алкоголем	34
Наркотики	36
Гемблинг	40
Проституция	41
Гомосексуализм	42
Порнография	43
Производство аборта	44
Экономические преступления (mala prohibita) и коррупция	45
Заключение	46
Что же делать с преступностью?[75]	47
Что есть преступность?	48
«Кто виноват?»	52
Что делать?	55
Некоторые выводы	60
Социальный контроль над преступностью: понятие, российская реальность, перспективы[130]	61
I. Определимся с понятиями	61
II. Немного о преступности в современной России	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Я. И. Гилинский
Девиантность, преступность, социальный
контроль в обществе постмодерна

© Я. И. Гилинский, 2017

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

* * *

Предисловие

В 2004 г. к моему 70-летию вышел *первый* сборник избранных статей «Девиантность, преступность, социальный контроль» (СПб.: Юридический центр Пресс, 2004). Логично, что к 75-летию вышел *второй* сборник моих избранных статей «Глобализация, девиантность, социальный контроль» (СПб: DEAN, 2009). А далее стали действовать два фактора: (1) «ускорение времени», как одна из характеристик общества постмодерна и (2) приближающийся (с ускорением...) естественный конец автора. Так что *третий* сборник моих статей «Девиантность, преступность и социальный контроль в «Новом мире»» (СПб: Алеф – Пресс, 2013) вышел на год раньше «положенного». Оба названных фактора продолжают действовать. Так что я спешно (ускорение усиливается, конец надвигается) подготовил *четвертый* сборник статей «Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна», предлагаемый заинтересованному читателю.

По рекомендации издательства «Алетейя», я воспроизвожу в этом – четвертом – сборнике по одной статье (наиболее значимой для автора) из трех предыдущих, так что знакомые с ними читатели могут их пропустить.

Как и в предыдущих трех сборниках, статьи расположены по мере их выхода в свет. Сохраняются и особенности цитирования (ссылок). И, как всегда, бесконечная благодарность Н. Н. Проскурниной – моей музе, суровому критику, неизменному составителю Библиографий (до которых у авторов – мужчин руки обычно не доходят...).

О глобальном¹

Мы, люди, часто похожи на муравьев. Мечемся, каждый в своем тесном мирке, стремимся, добиваемся, отчаиваемся, обижаемся, приносим огорчения и беды себе подобным.

Возьмем на себя труд приостановиться. На мгновение задуматься о Вечности, смысле существования, счастье и несчастье. Сегодня мы предлагаем читателям размышления «О глобальном» постоянного нашего автора, академика АГН, профессора Якова Гилинского, которые, несомненно, будут интересны каждому, достигшему моральной зрелости, независимо от возраста.

От редакции

¹ Молодежь: Цифры. Факты. Мнения. 1995. № 2 – 3. С. 197 – 212. А также: Гилинский Я. И. Девиантность, преступность, социальный контроль. СПб: Юридический центр Пресс. 2004. С. 71 –87.

От автора

В романе Л. Фейхтвангера «Успех» один из героев – адвокат Гейер – давно мечтает написать историю Баварской юстиции. Он – пожилой человек и умом понимает, что никогда ему не совершить сей грандиозный труд. Но он продолжает верить, рассудку вопреки. Ему порой видятся тома его «Истории Баварской юстиции» на книжной полке.

Мне тоже мерещится подчас Главный труд жизни «Человек – Общество – Вселенная», естественно, в твердом переплете...

В работах, опубликованных, по правде говоря, в малоизвестных изданиях, я предпринимал попытку изложить хотя бы схему своих рассуждений. Этот текст – еще одна такая попытка. В то же время предлагаемый материал – эксклюзивный, специально подготовленный для журнала «Молодежь: Цифры. Факты. Мнения». Как всякий грандиозный замысел, он обречен на неуспех. Но высказаться – значит облегчить душу. Автор благодарит всех читателей, кто с пониманием отнесется к такому эгоистическому намерению.

Онтологический трагизм бытия или размышления малицириста

Истинным началом универсума является зло.
А. Шопенгауэр

Прорвало плотину...

*Вопрос о смысле жизни является самым актуальным среди всех
вопросов.*
А. Камю

За последние годы в России изданы «Миф о Сизифе» А. Камю, «Человек в поисках смысла» В. Франкла, «Смысл жизни» С. Франка, «Иметь или быть?» Э. Фромма, двухтомник Ф. Ницше и отдельно – «Так говорил Заратустра», работы С. Кьеркегора, Ж. – П. Сартра, А. Мальро, не говоря уже о трудах Вл. Соловьева, а также Н. Бердяева, Г. Федотова, Л. Шестова и других российских философов, изгнанных из России в 1922 году или же уничтоженных ГУЛАГом... А в первом выпуске «Одиссея» сразу две статьи о жизни и смерти: С. Великовского («Культура как полагание смысла») и А. Гуревича («Смерть как проблема исторической антропологии»). На конференции молодых социологов был представлен доклад О. Борецкого о социологии «в танатологическом измерении». И далее: Ф. Арьес «Человек перед лицом смерти», А. Лаврин «Хроника Харона: Энциклопедии смерти», сборник «Бездна: «Я» на границе страха и абсурда», танатологическая подборка в «Ступенях» (1993, № 1) и т. д.

Итак, наши соотечественники получили впервые за многие десятилетия «ударную дозу» смысложизненной литературы. Вообще – то, нормальный человек в нормальном обществе не может не задумываться (хотя бы иногда, хотя бы лет в 11 – 12 – возрасте гениев!) о смысле жизни, смысле собственного существования. Вся «Книга Екклесиаста, или Проповедника» – дань этой проблеме (с небезызвестным выводом: «Суета сует... суета сует, – все суета!»). В конечном счете, именно от «решения» этого вопроса каждым для себя зависит избираемая индивидом *стратегия* жизни и *тактика* поведения. Более того, быть может, размышления о смысле существования, а значит, и о смерти – единственное, что принципиально отличает *Homo sapiens* от всех остальных животных, которым в большей или меньшей степени присущи и разум, и воля, и чувства, и, казалось бы, высшие, человеческие потребности: в признании, статусе, творчестве (поисковая активность).

Однако подданным тоталитарного государства, основанного на всеобщем единогласии и единомыслии, задумываться было «не положено». Только один дозволенный «смысл» был – построение светлого будущего. Неудивительно поэтому, что сограждане отучились размышлять над самым актуальным среди всех вопросов. Да и сам вопрос о смысле жизни, будучи задан, способен чаще всего вызвать у многих людей лишь недоумение или усмешку.

И впрямь, откуда же было взяться с малолетства экзистенциальным размышлениям, если родители заняты в первую очередь проблемой выживания. Самая средняя из всех средних школ в мире воспитывала оптимизм и патриотизм, а пионерская и комсомольская организации – преданность вождям мирового пролетариата и верность коммунистическим идеалам (или же «социалистическому выбору»...). Так что о самой проблеме смысла жизни можно было узнать лишь из зарубежной литературы или же... из предсмертных записок самоубийц – жертв «экзистенциального вакуума» (В. Франкл). Например: «Не сумел своевременно понять свое назначение... Природа этого не прощает» (гр – н Б., 35 лет, инженер), «Все, что я задумал

выполнить в жизни, не удалось...» (гр – н Г., 47 лет, доцент), «Зачем жить?» (гр – н Н., 21 год, студент)...

Мы долго и упорно уклонялись от обсуждения проблем смерти, жизни, ее смысла. Зато неплохо преуспели в практике лишения жизни. Расплата в виде бездуховности, безнравственности, обесценивания жизни и, соответственно, эскалации насилия не заставила долго ждать.

Будучи интровертом, я рано начал нескончаемый диалог с собой. Думается, что вечная человеческая проблема смысла *своего* собственного существования – глубоко *интимна* (личностна, индивидуальна) и – принципиально – *неразрешима*. Вообще – то, по – моему, «смысла» жизни вообще нет. Но ведь жить (а, следовательно, страдать) без смысла – это абсурд, логически ведущий к самоубийству.

Каждое самоубийство психически здорового человека, в конечном счете, – следствие осознания отсутствия или утраты смысла жизни. Недаром, по К. Ясперсу, больной человек идет к врачу, здоровый – кончает самоубийством... Поэтому жизнь каждого индивида – либо постоянный *поиск* смысла существования, или же *примирение* с его отсутствием (при непоследовательном – «а жить – то нужно!»), или *уверенность* в своем, найденном, истинном (!) смысле (будь – то служение Богу или делу революции...). Так вот, может быть, авторские заметки будут бесполезны тем, *кто ищет?*.. Да и, кроме того, если верить В. Франклу, «потребность и вопрос о смысле жизни возникает именно тогда, когда человеку живется хуже некуда». А не это ли есть сегодняшнее состояние многих соотечественников?

Sub specie aeternitatis

История человеческого будущего – это история его смерти.
М. Хайдеггер

Мне было давно, с самого детства, ясно: поскольку жизнь каждого человека конечна, да и жизнь человечества тоже конечна (и существование Земли!), постольку всякая жизнь не имеет «смысла». А попытки человека «увекочить» себя – в детях, словах и делах, в бронзе и камне – нелепы, иллюзорны, бессмысленны. И если уж пользоваться понятием «смысла жизни», то он – утешения ради! – в самой Жизни, в самом факте Существования.

Но тогда логично – уйти из жизни! Логично ли? Разве не существуют без всякого «смысла» и скорби по его отсутствию камни и деревья, звери и птицы? Удерживали меня от рокового решения и Жажда жизни, и Принцип «плохого кино»: смотреть противно, а уйти жалко – вдруг еще что-нибудь покажут интересенького?! Впрочем, никогда не надо зарекается ни от сумы, ни от тюрьмы, ни от петли... Грустно.

Все же мой разум не мог ограничиться столь простенькими доводами *pro et contra*. Требовалась Система – система научных знаний, включающая проблему смысла бытия в качестве элемента, некая *Theory of Everything*. Разумеется, я понимал, что есть истины, но нет Истины: нет и не может быть некоей законченной – единственно «истинной» теории по любой научной проблеме, не говоря уже об Общей Теории Мира. И *нельзя* покусаться на ее хотя бы абрисное, схематичное создание. *Нельзя!* Но если очень хочется, то... Ну, не мог я существовать, не представив – только лишь для себя! – картину мироздания. А вот выбор из имеющегося ассортимента картин – дело вкуса и случая. Вот я и выбрал.

Одной из тенденций современной науки является поиск наиболее общих, фундаментальных закономерностей, единых для всего мироздания, для всей структурной иерархии форм организации материи (физической, биологической, социальной). Складывается некая «инфранаука» (Н. Моисеев) или «меганаука» (Б. Кузнецов), объединяющая исследования процессов, протекающих в неживой и живой природе и в обществе, изучающая их с точки зрения универсальных законов мироздания. И тогда, например, основные закономерности социальной формы бытия предстают как *инобытие* всеобщих законов самодвижения, самоорганизации материи, как модификация и доразвитие ее фундаментальных свойств (Э. Маркарян, Е. Нерсесова).

Интеграция наук особенно существенна при рассмотрении *эволюции* мироздания – единого мирового процесса самодвижения, самоорганизации материи (Н. Моисеев).

От *Big Bang* (Большого взрыва), «породившего» Вселенную, до современной угрозы всему живому на Земле в результате экологической или же ядерной катастрофы – путь длинный (порядка 15 – 20 млрд лет). Но это – *единный* путь эволюции. «В науке сейчас уже есть эскиз, черновой набросок объяснения всей эволюции – от «первичного бульона» (примерно четыре миллиарда лет тому назад) до появления «венца творения» – Человека, – писал Г. Наан. Или даже изначального вакуума и космологического «Большого взрыва» (20 млрд лет назад) до таких необычайно сложных продуктов адаптации, как логическое мышление, совесть и любовь. В конечном счете, все приходит в мир естественным путем, путем самоорганизации и самоусложнения... Мы в принципе сейчас уже в состоянии представить всю эволюцию Вселенной, включая возникновение жизни, человека и общества как некий единый процесс самодвижения, самоорганизации и самоусложнения материи». Итак, около 20 млрд лет назад произошел «Большой взрыв», с которого началось развитие нашей Вселенной из «точечного» вакуумоподобного состояния (первичная сингулярность), просуществовавшего «в течение примерно одной стомиллионной миллиардной миллиардной миллиардной доли

секунды» (И. Новиков), плотностью 1^{94} г в см³ и породившего горячую Вселенную с температурой на этот момент в миллиард миллиардов миллиардов градусов. Современный сценарий развития Вселенной уже дописан во времени, отстоящего от момента взрыва до 10^{-43} секунды. А спустя десяти тысячную долю секунды Вселенная, расширяющаяся с огромной скоростью, составляла в радиусе 1 / 30 светового года (или 300 млрд км), плотность вещества в тысячи миллиардов раз больше плотности воды, температура порядка триллионов градусов. Расширяясь, Вселенная охлаждается со скоростью, обратно пропорциональной ее радиусу, а радиус увеличивается как корень квадратный из прошедшего времени.

Через несколько минут расширения радиус Вселенной достиг уже 100 световых лет, а ее температура – 300 млн градусов. Вот тогда стало возможным образование атомных ядер. Спустя миллион лет температура упала ниже 3 – 4 тысяч градусов, и началось образование атомов. Еще через какой-нибудь миллиард лет стали образовываться галактики, звезды и вещество в своем известном, современном виде (при температуре «всего» в сотню градусов). Наконец, от 4 до 6 млрд лет назад в «нашей» Галактике в результате сжатия огромного газового облака родилось Солнце, а вскоре и планеты, включая Землю. На ней около 2 млрд лет назад появились первые простейшие организмы, около 1900 млн лет назад – первые многоклеточные, 220 – 230 млн лет назад – первые млекопитающие, а в четвертичном периоде кайнозоя – человек.

Возможны ли иные сценарии эволюции Вселенной? Безусловно, да. Но теория «Расширяющейся Вселенной» наиболее сегодня признана среди специалистов.

В таком случае, какое отношение имеет все это к рассматриваемой теме? А вот какое. До сих пор речь шла о прошлом Вселенной. Но принимаемая автором теория предсказывает и ее возможное *будущее*, причем в двух вариантах (или сценариях). Первый – менее вероятный – бесконечное расширение Вселенной с постоянным угасанием звезд (продолжительность жизни нашего Солнца – порядка 10 млрд лет). В результате через сто тысяч миллиардов лет погаснут последние звезды, так как произойдет распад всего вещества, из которого состоят эти звезды и планеты, да и сама жизнь, и человек. Второй вариант – более вероятный, по мнению специалистов, условно называемый – Пульсирующая Вселенная. Тогда через некоторое время (это порядка 20 млрд лет) расширение Вселенной сменится сжатием. Плотность материи начнет возрастать, температура повышаться, и, как в киноленте, просматриваемой в обратном порядке, нашу Вселенную ожидает коллапс – переход к новой (вторичной) сингулярности.

Итак, безусловным фактом является не только бесспорная индивидуальная смерть каждого существа, включая человека, не только гибель всего живого на Земле, самой Земли и Солнечной системы, но и – вероятнее всего – всей Вселенной (всего Мироздания). Не правда ли, это добавляет некоторые доводы в пользу бессмысленности нашего существования в целом?

Даже если отвлечься от мрачной картины «конца света» (такого пока далекого!), имеются бесспорные научные основания утверждать брэнность *каждой* конкретной системы, *каждого* конкретного процесса в мире. И дело не только в простом эмпирически достоверном факте конечности существования каждого живого организма, каждой неживой системы. Речь идет о законе возрастания энтропии как следствии второго закона термодинамики.

Самодвижение (эволюция) Вселенной осуществляется в двух основных (дополнительных – в боровском смысле) формах: самоорганизации (убывание энтропии, повышение негэнтропии и степени организованности) и самодезорганизации (возрастание энтропии, хаотичности, снижение уровня организованности). Количественно определяемым критерием направленности развития (изменения) системы может служить энтропия (мера беспорядка): ее возрастание свидетельствует о преобладании регрессивных, дезорганизационных процессов, а уменьшение – о преобладании прогрессивных процессов, повышении уровня организованности (Г. Алексеев, А. Братко, А. Кочергин и Е. Седов).

Процесс развития можно представить как уменьшение энтропии, увеличение негэнтропии в развивающейся системе. Уменьшение энтропии возможно за счет накопления *инфор-*

мации (мера упорядочения). При этом, однако, «уменьшение энтропии в самой самоорганизующейся системе может иметь место лишь за счет ее увеличения в среде» (Э. Маркарян). Единство и дополнительность процессов организации и дезорганизации, негэнтропийных и энтропийных, возникновения и гибели («добра» и «зла», «ян» и «инь») – суть проявления объективной диалектики бытия материального Мира. Но! В силу второго закона термодинамики, *в конечном счете*, во всякой системе «побеждает» энтропия – распад, гибель («зло»!). «Надо подчеркнуть, что вывод о постоянном росте энтропии во Вселенной правилен... Во Вселенной идет необратимый процесс роста энтропии» (И. Новиков). Зло – метафора энтропии и дезорганизации! Вот почему (в силу закона возрастания энтропии), конечно, «смертно» не только все живое, но и неживое в мире. Вот почему за все приходится платить («принцип Расплаты»). Вот почему «небытие... первично и абсолютно. Бытие же относительно и вторично по отношению к небытию... Все возникает на время, а погибает навечно» (А. Чанышев). Вот почему «истинным началом универсума является зло» (А. Шопенгауэр), «абсолютное зло неистребимо в мире» (У. Стайрон), «миром правит зло» (Х. Ногалес), а «вся история является развитием абсолютного зла» (В. Арсланов). Вот, наконец, почему, автор, убежденный в вышеизложенном, считает себя *малициристом* (от лат. *malum* – зло, *malitia* – злоба).

Человеческое, слишком человеческое...

И тогда я огляделся вокруг и понял, что вообще не могу вынести больше ничего из этой системы.

К. Воннегут

Вывод неопровержим: уничтожение человека человеком началось.

Г. Грас

Диалектика энтропийных и неэнтропийных процессов предполагает неравномерное их распределение в пространственно – временном континууме Вселенной. Одним из «островков» относительного (и, конечно же, временного) преобладания неэнтропийных, информационных процессов является Земля, породившая эволюционирующий ряд информационно – генерирующих процессов, вершиной которых явилась деятельность общественного человека (техногенез как результат антропосоциогенеза). Вообще, системы, не превышающие меру информации в 5×10 бит, относятся к неживой природе, 5×10^{15} бит – к живой, информационная же «емкость» мыслящей материи – 5×10^{25} бит. Биосфера в целом выступает как антиэнтропийная система. При этом «теория информации позволяет четко выявить линию эволюции путем подсчета темпов возрастания информации в системе за год. Так, на Земле далекие от прогрессивной линии биологические системы почти не увеличили первоначальную скорость накопления информации (1 бит информации на 100 тыс. лет) и частично вымерли, частично остались на том же положении... Системы, которые постоянно наращивали темпы поглощения информации, за это же время превратились в такую сверхсложную систему, как человек (в среднем 10^{19} битов информации за год)» (А. Братко, А. Кочергин).

Так вырисовывается функция («смысл?») человечества в мире: «Мы плывем вверх по течению, – писал отец кибернетики Норберт Винер, – борясь с огромным потоком дезорганизованности, который, в соответствии со вторым законом термодинамики, стремится все свести к тепловой смерти, всеобщему равновесию и одинаковости... В этом мире наша первая обязанность состоит в том, чтобы устраивать произвольные островки порядка и системы». Априорно можно представить, что вторая функция («смысл», оправдание существования) рода *Homo sapiens* – служить орудием самопознания материя (Мира, Вселенной). Правда, неясно, зачем это прародительнице всего сущего понадобилось!

Более ясно, как это происходит.

Существование (сохранение и изменение) всякой системы возможно лишь в случае ее *адаптации* (приспособления) к среде. Чем выше адаптационные возможности системы (любой – неживой, живой, социальной), тем больше вероятность ее сохранения (выживания). В этом смысле прогрессивная эволюция мироздания суть эволюция способов адаптации различных систем (разного уровня). При этом чем выше степень организованности системы, тем выше ее адаптационные возможности (камень может только растрескаться под влиянием неблагоприятных средовых воздействий; растение обладает большим разнообразием средств приспособления – сбросить листву, увеличить корневую систему; животное может убежать; человек – изменить среду). Однако, как мы помним, повышение степени организованности одних систем не может происходить иначе как за счет повышения энтропии других систем – «среды», за счет ее дезорганизации.

Так, живые организмы «непрерывно получают свободную энергию из внешней среды в количестве, компенсирующем ее уменьшение в системе» (А. Опарин). Так, «более активные особи, – писал И. Шмальгаузен, – лучше использующие ресурсы внешней среды для роста, жизни и размножения, вытесняют в процессе смены поколений менее активных особей.

Более устойчивые особи, т. е. лучше противостоящие различным вредным влияниям, также вытесняют путем преимущественного размножения менее устойчивых особей. В обоих случаях более упорядоченные формы организации с более низким уровнем энтропии вытесняют менее упорядоченные формы организации с более высоким уровнем энтропии». Так, «сохранение вида достигается ценой гибели подавляющей массы его представителей... Для противодействия энтропии хищник вынужден истреблять травоядных животных. На прирост одного кг биомассы хищника требуется съесть примерно 10 кг травоядных. Следовательно, хищник как «самоорганизующаяся система» живет за счет дезорганизации травоядных, вызывая эту дезорганизацию в масштабе, оставляющем далеко позади масштаб собственной самоорганизации» (М. Камшилов).

Нетрудно продолжить этот ряд примеров увеличения адаптационных возможностей путем повышения уровня организованности за счет дезорганизации средовых систем: если эволюция биологических систем, организмов включает механизм борьбы за существование, то *сверхадаптация* общественного человека, «органа» самопознания Вселенной, осуществляется путем сверхактивного воздействия на среду (природную и социальную), включая *сверхборьбу за сверхсуществование* (лучшее существование). Думается, не надо напоминать, к чему сегодня привели «преобразования природы» (в том числе уничтожение тысяч видов растений и животных!). Что касается внутривидовой борьбы, то замечу лишь, что по весьма неполным подсчетам, с 3600 г. до н. э. по настоящее время (т. е. за 5590 лет) на Земле было всего 300 мирных лет, свыше 15 тыс. войн, унесших около 3,5 миллиардов человеческих жизней. С 1900 по 1980 г. в мире было 154 войны, стоившие человечеству свыше 100 млн. жизней. Какие хищники животного мира могут похвастаться столь массовым уничтожением сородичей? И ведь всего этого (не считая «мирных» кровавых побоищ, убийств, жертв революций и контрреволюций, «левого» и «правого» терроризма, массовых казней в прошлом и сохранения смертной казни в ряде государств современного мира) мало! К началу 1980-х годов мировые запасы ядерных боеприпасов в пересчете на обычную взрывчатку составили 10 т на каждого жителя Земли. Имеющегося в 1980 г. запаса ядерного вооружения достаточно, чтобы 27 раз полностью уничтожить население планеты. А ведь наращивание военного потенциала продолжается. Интересно, сколь еще будет продолжаться таким образом самоорганизация «венца творения»?..

В ряде работ я попытался подробнее раскрыть механизм эволюции адаптационных возможностей и рода человеческого, и человеческого общества в целом. Здесь же отметим лишь некоторые закономерности социального бытия, небезразличные для наших рассуждений.

В процессе антропосоциогенеза становится человеческое *общество* как «средство» адаптации физически малосильного человека в мире когтистых и клыкастых, а, в конечном итоге – «высшая форма, как писал В. Сагатовский, – развития негэнтропийной тенденции живой природы».

Общество как система в процессе саморазвития (= повышение уровня организованности) *дифференцируется* (через общественное разделение труда), следствием чего является социальное неравенство. Заметим, что все усложняющаяся дифференциация системы – неременный признак повышения уровня организованности. Так что коммунистическое «социально однородное общество» – либо утопия, либо неизбежный результат полной деградации системы (общества) накануне ее гибели...

Важнейшим адаптационным «средством» человечества помимо социальной организации служит *деятельность*. А ее стимулом – нужда, или неудовлетворенные потребности (воистину, гегелевская «хитрость мирового разума», провоцирующая человека на деяния!).

В процессе совместной человеческой деятельности по удовлетворению растущих потребностей (аппетит приходит во время еды!) формируется и совершенствуется неизвестный животному миру и специфический для людей *способ* жизнедеятельности – *культура*. Культура

аккумулирует все адаптивные формы (способы) человеческой жизнедеятельности (неадаптивные элиминируются в процессе эволюции) и служит опять – таки специфическим для человека средством накопления, хранения и передачи (трансляции) информации, принимая на себя функции генетического наследования (Э. Маркарян). Если для остальных биологических видов основным механизмом эволюции служит естественный отбор, то для человека – развитие культуры, искусственного «генофонда» человечества (что, разумеется, не отменяет и генетического наследования биологических признаков).

Именно культура выступает продуктом собственно человеческой жизнедеятельности, «средством» осуществления функции человечества в мире и, тем самым, интегральным «способом» заполнения «экзистенциального вакуума». «Культура и есть выход из безвыходных перипетий человеческого бытия» (В. Библер). Более того, по мнению С. Великовского, «первично – сущностной клеточкой» всякого культуросотворчества выступает *способ полагания смысла*. Ибо, «что такое культура... как не вновь и вновь, каждый раз и в каждом своем проявлении осознанно или непроизвольно предпринимаемая человеком попытка вскрыть и утвердить смысл человеческой жизни в соотнесенности его со смыслом сущего». Другое дело, что это лишь бесконечные попытки...

Если потребности людей (витальные, социальные, идеальные, по П. Симонову) относительно одинаковы, то возможности их удовлетворения принципиально не равны и зависят от места, занимаемого человеком (социальной группой) в структуре общества. Социальное неравенство служит источником активности, порождающей и высшие достижения человеческого духа и самые страшные преступления, а также «уход» неудачников в алкоголь, наркотики или – в петлю.

Иначе говоря, если естественная ограниченность средств удовлетворения потребностей приводит на биологическом уровне к борьбе за существование, то аналогом на социальном уровне выступает «борьба за лучшее существование». Естественная дифференциация биологических особей модифицируется в социальную дифференциацию как следствие общественного разделения труда. *Степень* (а иногда и сама возможность) удовлетворения потребностей становится *функцией* места индивида в социальной структуре. Социальное *неравенство*, осознаваемое как *несправедливость*, является важнейшим фактором, порождающим зависть и преступления, внутривидовую борьбу, войны и революции. Высшие социальные и идеальные потребности – в статусе, престиже, самоутверждении и др., не удовлетворенные посредством Творчества или иной легальной созидательной деятельности – удовлетворяются путем Насилия, Богатства, Власти (Т. Веблен). При этом насилие является самым простым, «первичным» средством самоутверждения, а власть и богатство – «вторичными», опосредованными. Надо ли говорить, что всякая революция против власти и насилия оканчивается новой властью и новым насилием (так что, по словам Х. Ортеги – и – Гассета, «каждая революция выдвигает пустую химеру более или менее полно осуществить какую – либо утопию. Эта попытка неизбежно проваливается»).

И, пожалуй, последнее в связи с обществом и закономерностями его развития. Мы уже знаем, что энтропия и неэнтропия, организация и дезорганизация, «добро» и «зло» идут рука об руку и что, увы! – побеждает отнюдь не добро. Разумеется, люди испокон века мечтают об обществе без зла, о счастливом обществе, о рае на Земле, о светлом будущем... И хотя, быть может, бесчеловечно разрушать эту веру (блажен, кто верует!), следует для сильных духом уяснить абсолютную ее утопичность. Принципиально невозможно создание общества без социальной патологии, без социального «зла», без борьбы и побежденных, как нельзя «отрезать» один полюс магнита, сохранив другой (получим два новых магнита, каждый с двумя полюсами), или же раскачивать маятник в одну только сторону (он тут же остановится). Попытки же осуществить царство Божие на Земле кончались до сих пор и не могут кончаться иначе впредь, как морем крови, еще большими мучениями и несчастьями – будь – то крестовые походы сред-

невековья, гитлеровский «тысячелетний рейх» или же наше «светлое будущее»... *История – не сказка со счастливым концом.*

Итак, во – первых, существование Человека и Общества – лишь фрагмент, элемент, момент Единого мирового процесса самоорганизации материи. Во-вторых, человечество и общество конечны, преходящи, «смертны», как всё без исключения в этом лучшем из миров... В-третьих, существование каждой системы, включая человека, человечество, общество, возможно лишь за счет иных систем (человека – за счет других людей, природы, общества; общества – за счет человека, людей, природы, других обществ). За сверхорганизацию расплачиваемся насилием, жестокостью, тоталитаризмом и т. п. За Гегеля, Гете, Гейне человечество расплачивается Гитлером, Герингом, Гиммлером, за НТР и ЭВМ – Хиросимой и Чернобылем... В – четвертых, если и существует какой – то объективный «смысл» человеческого существования, то он не в идеальных фантомах, а в выполнении онтологических функций: негэнтропийной и «самопознания» Мира. В – пятых, онтологический трагизм бытия, заключающийся в конечности, смертности и индивидуального, и родового, и социального существования, усугубляется *социальным злом* (внутривидовой борьбой «на уничтожение», социальным неравенством, несправедливостью, завистью, нищетой и т. д., и т. п.). Ибо основной закон *социальности* – урвать побольше кусок от общественного пирога, меньше дать и больше взять (А. Зиновьев).

По ту сторону отчаяния...

Настоящая человеческая жизнь начинается по ту сторону отчаяния.

Ж. – П. Сартр

Человек небытия мужествен. Его мужество – это мужество быть, несмотря на ничто, а не только несмотря ни на что.

А. Н. Чаньшиев

«Несчастный? А почему, собственно говоря, вы вообще решили, что вы должны быть счастливы?.. Почему вы вообще решили, что вы будете единственным счастливым исключением из всеобщего правила?». Это обращение к великому Гете в пьесе Н. Шмелева. И действительно – откуда убеждение, что человек рожден для счастья (как птица для полета...)? Как пропагандистский миф – другое дело. Но реальная жизнь очень далека от мифического счастья. Скорее уж, «человек рождается на страдания» (Иов) и «дни... бегут скорее челнока и кончаются без надежды» (Иов). «И люди будут издыхать от страха и ожиданий бедствий, грядущих на вселенную» (Лк.). «И возвратится прах в землю, чем он и был» (Екклесиаст)...

Вся история человечества, история каждой человеческой жизни – муки, страдания, горе, несчастье. Правда, с искорками счастливых мгновений. Но суть – то ведь не в сведении баланса времени «счастливых» и «несчастливых» минут, часов, дней. Суть – в неизбывном онтологическом *трагизме* бытия: в его преходящести, *конечности*, смертности. Да еще, пожалуй, и в *заданности* существования: «Здесь я могу быть, но не хочу; там хочу, но не могу; и здесь, и там я несчастен» (Августин); «Не понимаю, что делаю: ибо не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то и делаю» (ап. Павел); и вообще, «Вашей долей было то, что вы ненавидели, и, что вы любили, не было вашей долей» (Будда).

Смертно все живое (и неживое тоже). Но человек – единственное существо, *осознающее* свою смертность (высшие животные нередко предчувствуют Нечто, что есть их смерть). Осознание обреченности (и заданности) суть *отчаяние*. Отчаяние как осознание трагичности бытия.

И *тицетно* человек мучительно бьется всю жизнь – осознанно или же нет – над *смыслом* своего существования.

Но человек, как правило, не в состоянии вынести обреченности, заданности, бессмысленности существования. И тогда – осознанно или же нет – он ищет утешение в радостях и развлечениях (*carpe diem!*), в религии или мистике, в «самоувековечении» (в творчестве, деяниях) или же в утопиях типа коммунизма: «эта милая сердцу угнетенных и обездоленных сказка о потерянном и возвращенном рае» (М. Киссель). Все это, с точки зрения автора – малицириста – есть *страусизм*.

Вопрос о смысле жизни – это и вопрос о *смерти*. Сам поиск смысла жизни – реакция на знание о смерти. «Осознание смертности – важнейший импульс человеческой активности» (О. Борецкий), страх смерти – источник философии, науки, искусства, вообще творчества (не в этом ли еще одна «хитрость мирового разума»: дать человеку *знание* своей смертности, чтобы побудить добросовестнее выполнять антиэнтропийную функцию?!). Томас Манн так объяснял творчество Льва Толстого: «Что же было всему основой? Плотский страх смерти». О страхе смерти как источнике искусства пишет академик Дмитрий Лихачев. И не является ли текст статьи, лежащей перед вами, уважаемые читатели, плодом подсознательного желания автора (скептика, малицириста, гордящегося своим не – страусизмом...) продлить бытие после смерти?!

Во всяком случае, единственно достойная «подготовка» к смерти – полнота жизни, раскрытие и реализация потенциалов, самоосуществление в созидании. Как заметил великий знаток трагизма бытия и его абсурдности – Ф. Кафка: «Тот, кто познал всю полноту жизни, тот не знает страха смерти. Страх перед смертью – лишь результат *неосуществившейся* ж изни».

И все же...

Достойная человека, осмысленная жизнь возможна лишь по *ту сторону* отчаяния, при полном и осознанном избавлении от иллюзий и надежд, жизнь – *Вопреки* (бренности и бессмысленности). Идея достойной и мужественной жизни «вопреки», «наперекор», без надежд и иллюзий наиболее плодотворно развивается французскими экзистенциалистами Ж. – П. Сартром, А. Камю, А. Мальро. В сопротивлении Судьбе, существовании «наперекор громадной тяжести судьбы» (А. Мальро) видят они долг Человека. Но такой Человек («человек небытия», по А. Чаньшеву) – мужественный человек. «Он понимает, что всякая ситуация преходяща, он видит ничтожество всякой ситуации на фоне просвечивающего сквозь нее небытия, он смело смотрит вперед без надежды и отчаяния».

«Стоицизм – мировоззрение мужественных людей. Не все люди таковы», – возразил Ю. Булычев автору, выступившему с докладом в марте 1990 г. на заседании клуба «Сизиф». Да, конечно. Но ведь я и не претендую на *решение* проблемы. Моя задача – лишь попытаться *высветить* ее, представив некий ход авторских рассуждений. И только.

Non sequiter, или Рассудку вопреки

*Верую, ибо абсурдно.
Тертуллиан*

И еще несколько «вопреки». Пока и поскольку человек существует – вопреки обреченности и бессмысленности существования, но и именно в силу этой своей обреченности – нелишне помнить, что жизнь каждого – его *единственная* жизнь. И все, чем обладает человек, – это *время* собственного существования («Ибо жизнь моя есть день мой – и он именно мой день», – писал В. Розанов.) А отсюда – *самоценность* каждого мига бытия. Чем бесследнее исчезновение, чем ценнее каждое мгновение существования. И «ценность» индивидуального бытия человеческого определяется не столько его *длительностью*, сколько *наполненностью*.

Пока и поскольку человек существует, он сосуществует с себе подобными и «меньшими братьями» (вина наша перед которыми безмерна). Не пора ли оценить принцип *veneratio vitae* А. Швейцера? И дело не только в альтруизме и гуманизме, но и реализме, и эгоизме: благоговение перед жизнью – любой жизнью, включая свою собственную.

Пока и поскольку человек существует (и сосуществует), не есть ли основа нашего сосуществования – *сосочувствие обреченных*? Вспомним у Марины Цветаевой:

*Еще меня любите
За то,
Что я умру.*

И может быть, тогда – *Вопреки всему* – будет легче встретить Конец с мудрым пониманием: «*Достиг кончины, ради которой родился*». (Это уже Аристотель.)

«Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций²

*Положение индивида в современном обществе становится
центральной, ключевой проблемой.*

Н. Луман

История криминологической мысли богата утверждениями зависимости состояния, структуры и динамики преступности от социальной структуры общества. Наиболее распространенным было мнение о преступности, как порождении бедности, малообразованности, а основным субъектом преступлений считались представители низших слоев общества, социального «дна» – малоквалифицированные рабочие, безработные, бездомные, алкоголики и т. п. Так постепенно сложилось представление об «опасном классе» («*dangerous class*»). Этому немало способствовал некритический анализ *официальной* статистики: большинство так называемых «общеуголовных» или «уличных» (*street crime*) преступлений совершали представители низших страт³. Тогда как очень высокая латентность «беловоротничковой» преступности – экономической, должностной, коррупционной, политической, экологической, а также хорошо известная селективность полиции и уголовной юстиции – не позволяли в полной мере оценить масштабы преступлений представителей высших страт.

Как известно, Э. Сазерленд в 1939 г. впервые вводит в научный оборот понятие преступности «белых воротничков» («*white – collar crime*»), понимая под ней вначале лишь респектабельную преступность властной и деловой элиты⁴. Позднее этот термин распространился на всю должностную и экономическую преступность, независимо от ранга чиновника или бизнесмена. Началось ее активное изучение⁵.

Девиантность проявляется через действия, поступки людей. Между тем, все свои действия человек совершает, в конечном счете, ради удовлетворения тех или иных потребностей: биологических или витальных (в пище, питье, в укрытии от неблагоприятных погодных условий, в продолжении рода); социальных (в статусе, престиже, самоутверждении, самореализации и др.); духовных или идеальных (поиск смысла жизни, цели существования, стремление к знанию, творчеству, служению другим людям).

Потребности людей распределены относительно равномерно и имеют тенденцию к возрастанию. А возможности удовлетворения потребностей – различны, неравны. И хотя отчасти степень неравенства зависит от индивидуальных особенностей (ребенок или взрослый, мужчина или женщина, здоровый или инвалид, с высоким интеллектом или не очень), однако главным источником неодинаковых возможностей удовлетворять потребности служит социально – экономическое неравенство, занятие индивидом позиций различного уровня в социальной структуре общества (рабочий или предприниматель, фермер или банкир, школьный учитель или член правительства). Именно от социального статуса и тесно связанного с ним экономического положения (можно говорить о едином *социально – экономическом статусе*)

² Труды Санкт – Петербургского Юридического института Генеральной прокуратуры РФ, 2004. № 6. С. 69 – 77. А также: Гишинский Я. Глобализация, девиантность, социальный контроль. СПб: ДЕАН, 2009. С. 8 – 17.

³ См.: Gilinskiy Y. The Underclass in Today's Russia. In: A Dangerous Class: Scotland and St. Petersburg: Life on the Margin. Edinburgh, /1998/. pp.99 – 108.

⁴ Подробнее см. более позднюю работу Сазерленда: Sutherland E. White – Collar Crime. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1983.

⁵ См., например: Coleman J. The Criminal Elite: The Sociology of White Collar Crime. New York: St. Martin's Press, 1985; Podgor E. White Collar Crime in a Nutshell. St. Paul (Minn.): West Publishing Co, 1993.

индивида в решающей степени зависят возможности удовлетворять (более или менее полно) те или иные потребности.

Социальную структуру общества изображают обычно в виде пирамиды, верхнюю, меньшую часть которой составляет «элита» общества (властная, экономическая, финансовая, военная, религиозная и т. п.). Средняя – самая значительная по объему часть – «средний класс». В основании пирамиды, в ее нижней части располагаются низшие слои (малоквалифицированные и неквалифицированные рабочие, сельскохозяйственные наемные работники, так называемый «младший обслуживающий персонал»). За пределами официальной социальной структуры (а иногда в самом ее низу – все зависит от точки зрения исследователя) находятся аутсайдеры, изгои (бездомные, безработные, лица, страдающие алкоголизмом, наркоманией, опустившиеся проститутки и т. п.). Ясно, что чем ближе к верхушке пирамиды располагаются позиция и занимающий ее индивид, тем больше возможностей для удовлетворения потребностей, чем дальше от вершины и ближе к основанию, тем меньше таких возможностей. При этом распределение индивидов по тем или иным социальным позициям («местам») обусловлено, прежде всего, независящими от них (индивидов) факторами – социальным происхождением, принадлежностью к определенному классу, слою, группе, и лишь во вторую очередь – личными способностями, дарованием, талантом.

Со временем кастовая или средневековая жесткость социальной структуры ослабевает, социальная мобильность растет («каждый простой американец может стать президентом»), однако статистически зависимость от социальной принадлежности остается. В современном обществе одним из важнейших дифференцирующих признаков является наличие высшего образования. Как заметил Т. Парсонс, человечество делится на две части: окончивших колледж, и тех, кто его не заканчивал. Между тем, стартовые возможности выпускника российской сельской школы и элитной московской или петербургской гимназии различны, также как стартовые возможности выходца из рабочей или профессорской семьи.

Социально – экономическое неравенство появилось как следствие общественного разделения труда, значение которого для развития общества трудно переоценить. При этом следует отметить ряд обстоятельств.

Во-первых, одним из важнейших критериев развития системы (в нашем случае – общества), повышения уровня ее организованности служит *дифференциация*, усложнение структуры, повышение разнообразия составляющих ее элементов. Закон необходимого разнообразия У. Эшби действует и в социальном мире. Вообще дифференциация *общества как следствие углубляющегося разделения труда есть* объективный и в целом прогрессивный процесс. Однако, как все в этом мире, она влечет и негативные последствия.

Неодинаковое положение социальных классов, слоев (страт) и групп в системе общественных отношений, в социальной структуре общества обуславливает и социально – экономическое неравенство, различия (и весьма существенные) в реальных возможностях удовлетворить свои потребности. Это не может не порождать *зависть, неудовлетворенность, социальные конфликты, протестные реакции, принимающие форму различных девиаций*. «Стратификация является главным, хотя отнюдь не единственным, средоточием структурного конфликта в социальных системах»⁶.

Во-вторых, главным в генезисе девиантности, включая преступность, является не сам по себе уровень удовлетворения витальных, социальных и идеальных потребностей, а *степень различий*, «разрыва» в возможностях их удовлетворения. Зависть, неудовлетворенность, понимание самой возможности жить лучше приходят лишь в сравнении. На это в свое время обратил внимание еще К. Маркс: «Как бы ни был мал какой-нибудь дом, но, пока окружающие его дома точно также малы, он удовлетворяет всем предъявляемым к жилищу общественным тре-

⁶ Парсонс Т. Общий обзор. В: Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972. С. 375.

бованиям. Но если рядом с маленьким домиком вырастает дворец, то домик съезживается до размеров жалкой хижины». Более того, «как бы ни увеличивались размеры домика с прогрессом цивилизации, но если соседний дворец увеличивается в одинаковой или же еще в большей степени, обитатель сравнительно маленького домика будет чувствовать себя в своих четырех стенах еще более неуютно, все более неудовлетворенно, все более принижено»⁷. Так что по – своему правы были наследники Маркса, возводя «железный занавес» вокруг нищего населения СССР и выпуская за его пределы только самых проверенных, надежных, «идейных» или зависимых... Социальная неудовлетворенность, а, следовательно, и попытки ее преодолеть, в том числе – незаконным путем, порождается не столько абсолютными возможностями удовлетворить потребности, сколько относительными – по сравнению с другими социальными слоями, группами, классами. Вот почему в периоды общенациональных потрясений (экономические кризисы, войны), когда большинство населения «уравнивалось» перед лицом общей опасности (ломка «перед лицом смерти всех иерархических перегородок»⁸), наблюдалось снижение уровня преступности и самоубийств⁹.

На роль социально – экономического неравенства в генезисе преступности обращали внимание еще в XIX в. Так, по мнению Турати, «классовые неравенства в обществе служат источником преступлений... Общество со своими неравенствами само является соучастником преступлений»¹⁰. Принс «главной причиной преступности считает современную систему распределения богатства с ее контрастом между крайней нищетой и огромными богатствами»¹¹. С точки зрения Кетле, «неравенство богатств там, где оно чувствуется сильнее, приводит к большему числу преступлений. Не бедность сама по себе, а быстрый переход от достатка к бедности, к невозможности удовлетворить всех своих потребностей ведет к преступлению»¹². Д. Белл пишет, что человек с пистолетом добывает «личной доблестью то, в чем ему отказал сложный порядок стратифицированного общества»¹³.

Интересные результаты были получены в исследовании под руководством А. Б. Сахарова социальных условий в двух регионах России: «было установлено, что более неблагоприятное состояние преступности имеет место в том из сравниваемых регионов, где материальный уровень жизни населения по комплексу наиболее значимых показателей (средняя заработная плата, душевой денежный и реальных доход и т. д.) лучше, но зато значительно контрастность (коэффициент разрыва) в уровне материальной обеспеченности отдельных социальных групп... Иными словами, состояние преступности коррелировалось не с уровнем материальной обеспеченности, а с различиями в уровне обеспеченности: с размером, остротой этого различия»¹⁴. Исследование преступности в динамике за ряд лет подтвердило зависимость уровня преступности от увеличения / уменьшения разрыва между потребностями населения и степенью их фактического удовлетворения¹⁵.

Степень неравенства, разрыва между элитой и аутсайдерами лишь отчасти оценивается такими экономическими показателями как фондовый или децильный коэффициент диффе-

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 446.

⁸ Гачев Г. Образ в русской художественной литературе. М.: Искусство, 1981. С. 198.

⁹ Гернет М. Н. Избранные произведения. М.: Юридическая литература, 1974. С. 306 – 310, 449 – 459; Podgórecki A. Patologia życia społecznego. Warszawa, 1969.

¹⁰ Гернет М. Н. Там же. С. 111.

¹¹ Там же. С. 119.

¹² Там же. С.375.

¹³ Белл Д. Преступление как американский образ жизни. В: Социология преступности. М.: Прогресс, 1966. С. 267.

¹⁴ Методологические вопросы изучения социальных условий преступности / ред. А. Б. Сахаров. М., 1979. С. 29 – 30.

¹⁵ Коробейников Б. В., Селиванов Н. А., Скворцов К. Ф. Изучение факторов, влияющих на изменение уровня и структуры преступности // Советское государство и право. 1982. № 1.

рениции (соотношение доходов 10 % самых богатых и 10 % самых бедных слоев населения) и коэффициент концентрации доходов – индекс Джини¹⁶.

В-третьих, все более тревожным и криминогенным представляется наблюдающееся с конца XX в. общемировое углубление степени социально – экономического неравенства обществ и социальных групп.

Одним из системообразующих факторов современного общества является его структуризация по критерию «включенность / исключенность» (*inclusive / exclusive*). Понятие «исключение» (*exclusion*) появилось во французской социологии в середине 60-х гг. как характеристика лиц, оказавшихся на обочине экономического прогресса. Отмечался нарастающий разрыв между растущим благосостоянием одних и «никому не нужными» другими¹⁷. Работа Рене Ленуара (1974) показала, что «исключение» приобретает характер не индивидуальной неудачи, неприспособленности некоторых индивидов («исключенных»), а социального феномена, истоки которого лежат в принципах функционирования современного общества, затрагивая все большее количество людей¹⁸. Исключение происходит постепенно, путем накопления трудностей, разрыва социальных связей, дисквалификации, кризиса идентичности. Появление «новой бедности» обусловлено тем, что «Рост благосостояния не элиминирует униженное положение некоторых социальных статусов и возросшую зависимость семей с низким доходом от служб социальной помощи. Чувство потери места в обществе может в конечном счете породить такую же, если не большую, неудовлетворенность, что и традиционные формы бедности»¹⁹.

Процессы глобализации конца XX в. – начала XXI в. лишь обострили проблему принципиального и устойчивого (более того, увеличивающегося) экономического и социального неравенства как стран, так и различных страт («классов») внутри них.

Процесс *inclusion / exclusion* приобретает глобальный характер. Крупнейший социолог современности Никлас Луман пишет в конце минувшего XX в.: «Наихудший из возможных сценариев в том, что общество следующего (уже нынешнего – Я.Г.) столетия примет метакод включения / исключения. А это значило бы, что некоторые люди будут личностями, а другие – только индивидами, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра;... что забота и пренебрежение окажутся по разные стороны границы, что тесная связь исключения и свободная связь включения различат рок и удачу, что завершатся две формы интеграции: негативная интеграция исключения и позитивная интеграция включения... В некоторых местах... мы уже можем наблюдать это состояние»²⁰.

Аналогичные глобальные процессы применительно к государствам отмечает отечественный автор, академик Н. Моисеев: «Происходит все углубляющаяся стратификация государств... Теперь отсталые страны „отстали навсегда“!.. Уже очевидно, что «всего на всех не хватит» – экологический кризис уже наступил. Начнется борьба за ресурсы – сверхжестокая и сверхбескомпромиссная... Будет непрерывно возрастать и различие в условиях жизни стран и народов с различной общественной производительностью труда... Это различие и будет источ-

¹⁶ Подробнее о социально – экономическом неравенстве в современной России см.: Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России / ред. И. Рывкина. М.: Референдум, 2003. См. также: Ольков С. Г. О пользе и вреде неравенства (криминологическое исследование) // Государство и право. 2004. № 8. С. 73 – 78.

¹⁷ Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. II. Специальный выпуск: Современная французская социология, 1999. С. 140 – 156.

¹⁸ Lenoir R. Les exclus, un français sur dix. Paris: Seuil, 1974.

¹⁹ Погам С. Указ. соч. С. 147

²⁰ Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество. В: Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. М.: Интеллект, 1998. С. 94 – 108.

ником той формы раздела планетарного общества, которое уже принято называть выделением „золотого миллиарда“. „Культуры на всех“ тоже не хватит. И, так же как и экологически чистый продукт, культура тоже станет прерогативой стран, принадлежащих „золотому миллиарду“»²¹.

Об этом же пишет Р. Купер: «Страны современного мира можно разделить на две группы. Государства, входящие в одну из них, участвуют в мировой экономике, и в результате имеют доступ к глобальному рынку капитала и передовым технологиям. К другой группе относятся те, кто, не присоединяясь к процессу глобализации, не только обрекают себя на отсталое существование в относительной бедности, но рискуют потерпеть абсолютный крах»²². При этом «если стране не удастся стать частью мировой экономики, то чаще всего за этим кроется неспособность ее правительства выработать разумную экономическую политику, повысить уровень образования и здравоохранения, но, самое главное, – отсутствие правового государства»²³.

Надо ли говорить, что Россия не входит в группу стран «золотого миллиарда»?... По классификации И. Уоллерстайна (Центр, Периферия, Полупериферия), Россия относилась им к Полупериферии, «хотя есть уже немало признаков того, что она деградирует в направлении Периферии»²⁴.

Рост числа «исключенных» как следствие глобализации активно обсуждается в одной из последних книг З. Баумана. С его точки зрения, исключенные фактически оказываются «человеческими отходами (отбросами)» («*wasted life*»), не нужными современному обществу. Это – длительное время безработные, мигранты, беженцы и т. п. Они являются неизбежным побочным продуктом экономического развития, а глобализация служит генератором «человеческих отходов»²⁵. И в условиях глобализации, беспримерной поляризацией на «суперкласс» и «человеческие отходы», последние становятся «отходами навсегда» (это переключается с вышеприведенным высказыванием Н. Моисеева: «Теперь отсталые страны „отстали навсегда“»²⁶). Применительно к России идеи Баумана интерпретируются О. Н. Яницким: «За годы реформ уже сотни тысяч жителей бывшего СССР стали „отходами“ трансформационного процесса, еще многие тысячи беженцев оказались в России без всяких перспектив найти работу, жилье и обрести достойный образ жизни. Для многих Россия стала „транзитным пунктом“ на пути в никуда»²⁷.

Совершенно очевидны социальные следствия процесса «включения / исключения». **Именно «исключенные» составляют социальную базу преступности и иных форм девиантности (алкоголизм, наркотизм, терроризм, проституция и др.).** Так, «отчаяние молодых перед будущим, которое им кажется безысходным, лежит в основе делинквентного поведения, нарушений общественного порядка, столкновений с полицией»²⁸. «Исключенность» как основа терроризма была показана нами ранее²⁹.

²¹ Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. С. 360, 447.

²² Купер Р. Россия, Запад и глобальная цивилизация. В: Россия и Запад в новом тысячелетии: Между глобализацией и внутренней политикой. М.: George C. Marshall, European Center for Security Studies, 2003. С. 30.

²³ Купер Р. Там же. С. 31.

²⁴ Pro et Contra. Проблемы глобализации. 1999. Т. 4, № 4. С. 227

²⁵ Bauman Z. Wasted lives. Modernity and its outcasts. Cambridge: Polity Press, 2004. Pp. 5 – 7.

²⁶ Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. С. 360, 447.

²⁷ Яницкий О. Н. Модерн и его отходы // Социологический журнал. 2004. № 1 / 2. С. 205.

²⁸ Погам С. Указ. соч. С. 150.

²⁹ Гишинский Я. И. Терроризм: понятие, сущность, перспективы // Труды Санкт – Петербургского Юридического института Генеральной прокуратуры РФ. № 5. 2003. С. 66 – 70; Гишинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 248 – 255.

Неудивительно, что мировая криминология активно обсуждают процесс «inclusion / exclusion», как один из источников преступности³⁰.

Некоторые криминогенные и девиантогенные факторы глобализации представлены В. В. Лунеевым (который совершенно верно воспринимает глобализацию как объективную данность, не зависимо от того, нравится нам это или нет)³¹.

1. *Проблема занятости*. Глобалисты говорят о «концепции 20: 80»: в XXI веке будут заняты всего 20 % населения, а 80 % окажутся «лишними». С нашей точки зрения, это парафраз концепции «inclusion / exclusion». Если 80 % населения окажутся безработными, без средств к существованию, то это – огромный резерв девиантности, включая преступность.

2. *Проблема рынков финансовых спекуляций*. Свыше 80 % финансового капитала не имеют реального материального наполнения. Это «рынок игроков в рулетку». Финансовый крах будет все чаще сотрясать «исключенные» страны, не входящие в «золотой миллиард» (примеры тому – российский дефолт 1998 г., финансовые проблемы стран Восточной Азии и др.).

3. *Существенное снижение возможностей национальных правительств в управлении обществом и в обеспечении социального контроля над преступностью*. Как известно, эта тенденция отмечается криминологами со второй половины минувшего столетия («кризис наказания» и иные аналогичные подходы). О скептицизме в отношении способности современных государств поддерживать общественный порядок говорит и один из крупнейших социологов И. Уоллерстайн³². Напомним, что другой столп современной социологии Н. Луман также считает: «Следует отказаться от надежд, связанных с иллюзией контроля».

Итак, «класс», т. е. принадлежность индивида к той или иной социальной группе – классу, страте, слою, касте, иначе говоря – социально – экономический статус, существенно определяет вероятность тех или иных девиаций. Но, во – первых, только *вероятность* (а не фатальную необходимость). Во-вторых, нет какого бы то ни было «криминального» класса (группы). Как уже говорилось, идея «опасного класса» родилась в западной криминологии на основе данных уголовной статистики о социально – демографическом составе лиц, совершивших преступления, при этом не учитывалась «беловоротничковая» преступность, не говоря уже о других видах девиантности – потреблении «престижных» наркотиков (кокаина), злоупотреблении алкоголем, нарушении моральных норм и т. п. Другими словами, *различные виды девиантности в относительно большей степени распространены среди различных классов, страт*.

Интересные данные о распределении различных преступлений между разными группами населения в Австрии, Германии, России, Франции приводил еще М. Н. Гернет в работе 1914 г. Один из его выводов: «Класс состоятельных, не зависимо от профессионального состава, обнаруживая такую склонность к мошенничествам, чувствует отвращение к таким нарушениям права собственности, при совершении которых преступник действует открыто, смело и дерзко... Эта психологическая особенность преступности богатых, всегда предпочитающих совершить преступление при помощи менее грубых способов, но вместе с тем и более изощренных, с соблюдением внешнего декорума приличия, и во всяком случае втихомолку, обнаруживается даже в убийствах с корыстной целью: рабочий превращается в разбойника, экс-

³⁰ Finer C., Nellis M. (Eds.) Crime and Social Exclusion. Blackwell Publishers Ltd., 1998; Young J. The Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity. SAGE Publications, 1999.

³¹ Лунеев В. В. Терроризм и организованная преступность: национальные и транснациональные аспекты // Организованная преступность, терроризм и коррупция. Криминологический ежеквартальный альманах. 2003, № 2. С. 21 – 39.

³² Wallerstein I. Globalization or the age of transition? A long – term view of the trajectory of the world system // International Sociology. V. 15. 2000. N 3. p. 263.

проприатора, состоятельный – в отравителя: один прибегает к ножу, другой к шприцу врача, к бокалу вина»³³.

Данные по России, представленные в таблице, позволяют сделать как минимум два вывода: различные виды преступлений преобладают в разных социальных группах; постоянно возрастает удельный вес «исключенных» – лиц без постоянного источника доходов, безработных.

С нашей точки зрения, наибольшую криминогенную опасность представляют сегодня два контингента: растущая масса «исключенных», *маргиналов* и развращенная *коррупцированная властная элита*.

Для полноты картины следует заметить, что социальная дифференциация, социально – экономическое неравенство и наличие аутсайдеров, «исключенных» служат... источниками прогресса и двигателями истории. Существование социальных групп разной степени удовлетворенности наличным бытием, конкуренция, рынок труда (с неизбежно присущей ему безработицей – «исключенными»), вообще разнообразие социальных слоев, групп с различными интересами, – обеспечивают *изменения, развитие* производства, экономики, культуры. Всеобщее «равенство» приводит к стагнации, прекращению изменений и, в конечном итоге, к гибели общества (всеобщее равенство достижимо лишь на кладбище).

Поэтому нельзя «зацикливаться» на каком бы то ни было одном «криминогенном» факторе. Социально – экономическое неравенство – благо, *но* со значительными издержками. «Исключенные» – социальная база преступности и иных негативных девиаций, *но* и «включенная» элита не многим лучше... Кроме того, «исключенные» – резерв различных видов творчества, инновационной деятельности (позитивные девиации). И может быть лучший социальный контроль над преступностью и девиантностью – самоорганизация общества с минимальными контрольными функциями государства?

Таблица. Доля (в %) различных социальных групп в структуре преступности в России (1987-2001)

	1987						1990					
	Убийства (с покуш.)	Изнасилование (с покуш.)	Кражи	Разбой	Растрата, присвоение	Взяточничество	Убийства (с покуш.)	Изнасилование (с покуш.)	Кражи	Разбой	Растрата, присвоение	Взяточничество
Рабочие	61,4	51,0	40,3	46,4	28,3	33,2	54,6	50,4	37,2	39,1	44,8	37,9
Служащие	3,5	1,8	2,1	1,3	67,9	58,3	2,5	1,3	1,0	1,0	48,2	50,0
Работники сельского хоз-ва	6,2	5,9	3,7	2,0	3,1	1,7	5,5	6,3	3,9	1,8	4,6	1,2
Учащиеся	2,2	25,7	29,0	15,4	0,1	0,7	1,8	15,9	23,7	10,8	0,2	2,9
Предприниматели (без образования юридич. лица)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Лица без постоянного источника дохода	15,3	14,6	23,6	33,1	0,2	1,7	23,7	23,4	32,6	44,3	0,4	3,0
Безработные	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

³³ Гернет М. Н. Избранные произведения. Указ. соч. С. 277 – 287.

	1993						2001					
	Убийства (с покуш.)	Изнасилование с покуш.)	Кражи	Разбои	Растрата, присвоение	Взяточничество	Убийства (с покуш.)	Изнасилование (с покуш.)	Кражи	Разбои	Растрата, присвоение	Взяточничество
Рабочие	30,5	31,8	27,9	19,0	35,5	16,4	17,3	23,8	19,1	13,6	53,8	16,8
Служащие	2,8	1,9	1,5	1,4	29,2	43,9	1,6	1,7	0,6	1,2	22,3	43,2
Работники сельского хоз-ва	4,1	5,7	5,1	1,2	8,4	1,8	0,8	1,7	2,3	0,3	5,7	0,6
Учащиеся	1,5	9,1	11,0	9,5	–	2,7	3,6	9,6	9,8	9,6	–	4,1
Предприниматели (без образования юридич. лица)	2,1	2,4	1,3	2,1	2,9	6,1	0,6	0,8	0,2	0,7	1,3	5,8
Лица без постоянного источника дохода	39,8	37,7	42,3	57,9	–	6,8	66,8	57,9	64,4	69,9	–	15,1
Безработные	3,5	2,7	3,5	3,6	–	0,2	6,3	6,1	6,7	5,6	–	2,0

Запрет как криминогенный (девиантогенный) фактор³⁴

*Каждый человек имеет право жить так, как хочет, если уважает
права других.*
Д. Боуз

Право и экономика не вполне сходятся по всем вопросам.
Р. Познер

Преступность, как и иные виды девиантности, – суть социальный *конструкт*³⁵. Уже поэтому единственная «причина» преступности – воля «конструктора» – законодателя и порожденный ею уголовный закон (это понимали еще древние римляне: *ex senatusconsultis et plebiscitis crimina exercentur* – преступления возникают из сенатских и народных решений).

Нет ни одного поведенческого акта, который был бы «преступен» сам по себе, по своему *содержанию*, независимо от социального контекста. Так, «преступное» употребление наркотиков, в частности производных каннабиса, было допустимо, «нормально» во многих азиатских странах, да и в современных Нидерландах; широко распространенное легальное потребление алкоголя – незаконно, преступно в странах мусульманского мира; легальное сегодня курение табака было запрещено под страхом смертной казни в средневековой Голландии; умышленное причинение смерти – тяжчайшее преступление (убийство), но и... – подвиг в отношении противника на войне. И даже изнасилование может быть деянием легальным, обычным: феодальное *jus prima noctis* или обряд инициации девушек в некоторых обществах.

Вместе с тем ясно, что, во – первых, уголовно – правовой запрет «имеет основания»: есть виды деятельности, подлежащие запрету ради существования и благополучия других людей и общества в целом (убийство, различные виды насилия, кражи, грабежи, разбои и некоторые иные действия). Другое дело – каков объем (перечень) действительно опасных деяний. Во-вторых, пока и поскольку существует то, что законодателем определено как «преступление», существуют и факторы, влияющие на состояние и динамику преступности и ее видов (помимо изменения самого уголовного закона). Отчасти представление о том, что существуют деяния объективно вредные для общества и деяния, сконструированные как «преступления» законодателем, отражено в зарубежной литературе в виде деления на *mala in se* (зло как таковое) и *mala prohibita* (зло запрещенное)³⁶.

На протяжении многовековой истории криминологии назывались и исследовались десятки криминогенных факторов: экономические, политические, демографические и даже космические. Наряду с этим все больше криминологов и представителей других общественных наук склонялись в пользу *социально – экономического неравенства* как одного из главных (наиболее значимых) криминогенных факторов. Придерживается этого взгляда и автор³⁷.

³⁴ Российский криминологический взгляд, 2009, № 3. А также: Гишинский Я. Девиантность, преступность и социальный контроль в «Новом мире». СПб: Алеф – Пресс, 2013. С. 34 – 56.

³⁵ Подробнее см.: Гишинский Я. И. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. СПб, 2009. С. 37 – 44; Он же. Конструирование преступности. В: Уголовно – политические, уголовно – правовые и криминологические проблемы борьбы с современной преступностью и коррупцией. Саратов, 2009.

³⁶ Burke R. An Introduction to Criminological Theory. Third Edition. Willan Publishing, 2009, pp. 5 – 7; Hagan F. Introduction to Criminology. Theories, Methods, and Criminal Behavior. 6th Edition. SAGE Publications, 2008, pp. 8 – 9.

³⁷ Гишинский Я. Криминология. Ука з. соч. С.184 – 193; Он же. Генезис преступности. Проблема причинности в криминологии. В: Российский ежегодник уголовного права 2007. СПб ГУ, 2008. С. 382 – 398.

Анализу *объективных* криминогенных (вообще девиантогенных) факторов (от социально – экономического неравенства до солнечной активности) посвящено немало трудов³⁸. Между тем в криминологии почти не исследовался такой «объективно – субъективный» фактор как сам уголовно – правовой (административно – правовой, гражданско – правовой, моральный) *запрет*. Хотя в целом ряде случаев именно он выходит на первое место в так называемом «причинном комплексе».

В одной из своих работ я писал: «Следует постоянно иметь в виду некоторую двусмысленность, „шизофреничность“ объяснения преступности. С одной стороны, рассматривая преступность как социальную конструкцию, мы должны искать объяснение ее существования в деятельности властей, режима, законодателя по конструированию „преступности“. С другой стороны, пока и поскольку за этой относительно искусственной конструкцией скрываются реальные виды человеческой жизнедеятельности (убить или ранить другого, завладеть имуществом другого, обмануть другого с выгодой для себя и т. д.), возможно выявление факторов, условий, обстоятельств, при которых эти виды деятельности будут проявляться с большей или меньшей вероятностью, в большем или меньшем объеме»³⁹. До сих пор максимальное внимание уделялось второму проявлению шизофреничности (поиск объективных криминогенных факторов). Между тем представляется немаловажным обратиться к первому проявлению шизофреничности – действиям творцов правовых (да и моральных) запретов – законодателя, политиков, к общественному мнению – и их *последствиям*.

Это весьма обширное исследовательское поле лишь отчасти вспахиваемое при анализе субъектов и процесса *конструирования* преступности (наркотизма, коррупции, терроризма, проституции и т. п.)⁴⁰. Вместе с тем, насколько мне известно, в криминологической литературе почти не рассматривается роль *запрета* как значимого криминогенного фактора.

Попробуем разобраться в этом.

Будем надеяться, что магистральный путь развития человечества, при всех поворотах и зигзагах истории, – расширение степеней *свободы каждого* индивида. «Общий вектор развития человеческой цивилизации в тенденции можно определить как расширение степеней свободы человеческой деятельности в пределах ограничений, заданных состоянием среды обитания»⁴¹. Человек – в тенденции – стремится к максимальной самореализации, самоутверждению в творчестве, труде, досуге, быту. И если на пути такой самореализации возникают социально нормируемые препятствия (закон, мораль, обычай, традиция), люди либо смиряются с требованиями общества, либо нарушают их. Выбор вариантов поведения зависит от ряда объективных и субъективных обстоятельств: насколько значима для индивида деятельность, нарушающая социальные нормы данного общества; в какой степени общество обеспечивает легальные условия для самореализации, самоутверждения; каковы санкции за нарушение и вероятность подвергнуться таковым; насколько обоснованы социальные запреты здесь и сейчас; существует ли противоречивость самих социальных норм (право – обычай, право – мораль), и если – да, то какие из запретов (правовые, моральные) более значимы для индивида, и др.

Вообще, все свои действия человек совершает, в конечном счете, ради удовлетворения тех или иных потребностей: биологических или витальных (в пище при чувстве голода, в питье

³⁸ См., например: Burke R. Ibid.; Grover Ch. Crime and Inequality. Willian Publishing, 2008; Hagan F. Ibid; Maguire M., Morgen R., Reiner R. (EDS.) The Oxford Handbook of Criminology. Fourth Edition. Oxford University Press, 2007; White R., Habibis D. Crime and Society. Oxford University Press, 2005; etc.

³⁹ Гилинский Я. Генезис преступности... Указ. соч. С. 384.

⁴⁰ Гилинский Я. Конструирование девиантности: проблематизация проблемы. В: Девиантное поведение и интернет (опыт социологического анализа). М., 2008; Он же. Конструктивизм в современной криминологии // Криминалист № 1 (4), 2009; Ясавеев И. Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань, 2004; Maguire M., Morgen R., Reiner R. (Eds.) The Oxford Handbook of Criminology. Fourth Edition. Oxford University Press, 2007, pp. 179 – 337.

⁴¹ Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. М., 2009. С. 83.

при жажде, в укрытии от неблагоприятных погодных условиях, сексуальных или в продолжении рода); социальных (в статусе, престиже, самоутверждении, самореализации и др.); духовных или идеальных (поиск смысла жизни, цели существования, бескорыстное стремление к знанию, творчеству, служению другим людям). Эмпирически установлено, что наибольшие «девиантогенные» риски таятся в неудовлетворенности *социальных* потребностей. Это, прежде всего, относится к насильственным действиям, а также к ретретистским формам девиантности – пьянству, наркотизму, самоубийствам.

Обозначенная Э. Фроммом дилемма «иметь» или «быть»⁴², не так проста для решения. Конечно, престижно в мире, погрязшем в потреблении, Быть вопреки «иметь». Но существует более сложная, более «интимная» взаимосвязь между «иметь» и «быть». К сожалению, чтобы «быть», надо что – то «иметь». Для самого высокого Быть (творцом, ученым, художником, поэтом) необходимо нечто Иметь – минимально приличное жилье, приемлемую пищу, средства для приобретения книг (полотна, красок), а сегодня еще и компьютера, средства на лечение, когда под угрозой самое «быть» и т. д., и т. п. А еще для того, чтобы когда-нибудь «быть», надо получить приличное образование, вооружиться знанием языков. А в сегодняшнем глобализирующемся мире и покататься по свету весьма желательно для творчества. Кроме того, есть еще такие недалекие, несознательные, ущербные люди, которые несмотря ни на что предпочитают *иметь*. И как можно больше, и как можно гламурнее... И несть числа этим людям, в отличие от бытийствующего меньшинства...

Поэтому презируемое, но совершенно необходимое «иметь» ведет нас к проблемам экономики. А уж в этой сфере свобода или несвобода предпринимательства, степень такой свободы, равно как и возможности *иметь* потребителям – вопрос вопросов. И оказывается, что в сфере экономической жизни любой запрет, любое ограничение порождает их нарушения – от аморальных поступков до преступных деяний. Обратимся к экономистам, которые широко обсуждают проблему «теневой (нелегальной)» экономики⁴³.

Во-первых, «с юридической точки зрения, теневой экономикой можно называть *экономические процессы, вступающие в противоречие с правовыми нормами*»⁴⁴. Иначе говоря, юридически теневая экономика – *shadow economy* (она же «неформальная экономика» – *informal economy*, она же «подпольная экономика» – *underground economy*, она же «скрытая экономика» – *hidden economy*, она же «вторая экономика» – *second economy*, она же «черная» или «серая» экономика – *black, gray economy*) это нелегальная экономика, действующая вне правового поля или вопреки ему.

Во-вторых, «сама теневая экономическая практика приобрела систематический характер только на определенном этапе экономического прогресса – в ответ на усилившиеся в XX в. претензии государства все в большей степени контролировать и регулировать рыночные операции»⁴⁵. Опрос американцев Институтом Гэллага в 1995 г. показал, что, по мнению большинства, «федеральное правительство стало настолько огромным и могущественным, что представляет собой угрозу правам и свободам простых граждан»⁴⁶. Вам это ничего не напоминает, уважаемый читатель?

⁴² См.: Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990.

⁴³ Беккер Г. Преступление и наказание: экономический подход // Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. М., 2003; Бурова Н. В. Нелегальная экономическая деятельность: теория и практика измерения. СПб, 2006; Клямкин И. М., Тимофеев Л. М. Теневая Россия: Экономико – социологическое исследование. М., 2000; Латов Ю. В., Ковалев С. Н. Теневая экономика. М., 2006; Теневая экономика – 2007. Экономический анализ преступной и правоохранительной деятельности / ред. Л. М. Тимофеев. М., 2008; Тимофеев Л. М. Теневые экономические системы современной России. Теория – анализ – модели. М., 2008.

⁴⁴ Тимофеев Л. М. Теневые экономические системы современной России. Теория – анализ – модели. М., 2008. С. 31.

⁴⁵ Тимофеев Л. М. Там же. С. 13 – 14.

⁴⁶ См.: Боуз Д. Либертарианство. История, принципы, политика. М., 2004. С. 1.

В-третьих, «в последние десятилетия теневая экономика приобрела во всем мире небывалый размах»⁴⁷.

В – четвертых, «причину этого явления следует искать не в глобальном падении нравов, но в стремлении правительств и легального бизнеса поставить как можно более жесткие правовые и институциональные рамки для любой экономической практики – настолько жесткие, что подчас элементарная предпринимательская инициатива оказывается вне закона... Рациональная система теневых экономических отношений есть прямая и неизбежная реакция на обременительные для бизнеса экстерналии – в частности, на стремление государства зарегулировать рынки тех или иных товаров, пользующихся спросом»⁴⁸.

Поэтому, в – пятых, именно в России «в парламентских кабинетах и на обочинах больших дорог, в банках и офисах таможенных терминалов, в сибирских лесах и в водах дальневосточных морей, в милиции, в суде, в больнице, даже в церкви, даже на кладбище – теневые экономические обмены происходят повсюду и охватывают самые различные социальные и профессиональные категории российских граждан»⁴⁹. Так, по официальным статистическим данным, на конец 2009 г. – начало 2010 г. доля теневой экономики в России составляет примерно 20 %. Об этом заявил руководитель Федеральной службы государственной статистики Александр Суринов в интервью «Российской газете». По мнению Суринова, существует несколько форм теневой экономики: производство товаров и услуг, которые запрещены к производству и реализации на территории страны; скрытое производство, при котором скрываются его размеры, чтобы уйти от налогов, или от исполнения трудового законодательства; так называемая неформальная легальная деятельность (например, репетиторство); личные подсобные хозяйства населения и все, что производится внутри семьи для себя (сельскохозяйственная продукция, строительство для себя и т. п.). Поскольку все эти виды теневой экономики не поддаются точному учету, есть основания полагать, что теневой сектор составляет более названных 20 %.

Экономисты не перестают подчеркивать, что преступная, правонарушающая, девиантная деятельность поддается такому же экономическому анализу, как и любая человеческая деятельность (напомним – направленная на удовлетворение потребностей). Во всяком случае, если это – *рациональная* деятельность, а не поступки психически нездорового человека. «Экономический подход исходит из посылки, что преступная деятельность – такая же профессия, которой люди посвящают полное или неполное рабочее время, как и столярное дело, инженерия или преподавание. Люди решают стать преступниками по тем же соображениям, по каким другие становятся столярами или учителями, а именно потому, что они ожидают, что „прибыль“ от решения стать преступником – приведенная ценность всей суммы разностей между выгодами и издержками, как неденежными, так и денежными, – превосходит „прибыль“ от занятия иными профессиями»⁵⁰.

Для дальнейших рассуждений оговоримся: во – первых, социологам и криминологам известно, что в действительности не все так просто. Имеется множество факторов – большей или меньшей «силы» («веса»), влияющих на девиантное, включая криминальное, поведение людей, социальных групп, сообществ⁵¹. Во-вторых, далее мы сознательно сужаем проблему до рассмотрения одного вопроса – роль юридического *запрета* как одного из криминогенных (деликтогенных, девиантогенных) факторов. Кроме того, существует огромное число проявлений теневой экономики⁵². В рамках нашей темы будут затронуты лишь немногие из них.

⁴⁷ Тимофеев Л. М. Там же. С. 12.

⁴⁸ Тимофеев Л. М. Там же. С. 12, 18.

⁴⁹ Тимофеев Л. М. Там же. С. 9.

⁵⁰ Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение // THESIS. Т. 1. Вып. 1. 1993. С. 33 – 34.

⁵¹ Это хорошо показано в: Калягин Г. В. Экономический анализ криминального поведения. В: Экономическая школа. Аналитическое приложение. № 3. 2006. С. 91 – 124.

⁵² Обзор многочисленных классификаций (по разным основаниям) представлен в: Булова Н. В. Указ. соч. С. 9 – 47;

Торговля алкоголем

Надо ли напоминать, что *потребление* алкоголя присуще человечеству с древнейших времен и далеко не всегда приводит к злоупотреблению, включая зависимость (*addiction*) – *алкоголизм* как заболевание. Более того, некоторые виды алкоголя в определенных дозах рекомендуются врачами в медицинских целях (например, 30 г. водки в день для профилактики сердечно – сосудистых заболеваний, бокал красного сухого вина в сутки при гипотонии и др.).

Потребление алкогольных изделий, как и *все* сохранившиеся в процессе эволюции виды человеческой жизнедеятельности, выполняет определенные социальные функции – седативную, психостимулирующую, интегративную, престижно – статусную и др.⁵³ Для некоторых – это радость человеческого общения, для других – уход от мерзостей бытия. Нужно ли запрещать легальную торговлю алкогольными изделиями ради удовлетворения нравственного чувства некоторого (как правило, незначительного) меньшинства пуритан? Я сейчас не говорю о некоторых разумных ограничениях и запретах: продажи алкогольных изделий детям и подросткам, вовлечения их в потребление алкоголя и т. п.

Накоплен значительный мировой опыт ограничения или запрещения легальной торговли алкогольными изделиями и последствий таких запретов. Через так называемый «сухой закон» прошли многие страны: Исландия (1912 – 1923), Норвегия (1919 – 1926), Финляндия (1919 – 1932), некоторые регионы Канады (начало XX века). Однако распространившиеся в годы запрета торговли алкоголем контрабанда и самогонование каждый раз заставляли правительства отменять «сухой закон». Так, в Финляндии контрабандисты в годы запрета ежегодно ввозили в страну до 6 млн. литров спирта.

Ограничения в торговле алкоголем существовали в Швеции с 1865 г., а некоторые действуют до сих пор, в частности, монополия принадлежит одной единственной компании.

Наиболее известен по негативным последствиям «сухой закон» в США (1920 – 1932). Именно на его основе родилось массовое бутлегерство – нелегальная продажа алкоголя преступными организациями. К концу 20-х годов их доход достиг 2 миллиардов долларов в год. С отменой «сухого закона» криминал перепрофилировался на торговлю наркотиками...

Многочисленно запрещалась или ограничивалась торговля алкоголем в России – СССР: в 1914 г., 1917 г., 1919 г. Надо ли говорить, что все эти попытки запретить алкопотребление заканчивались провалом. Равно как «полусухой закон» 1985 года. Несмотря на улучшение некоторых демографических показателей, массовое самогонование и потребление заменителей – от одеколона и лосьонов до жидкости для чистки окон и тормозной жидкости – привели к провалу компании. Автор этих строк своими глазами видел в 1986 г. объявление в одном из сельских магазинов Ленинградской области: «Продажа питьевого одеколона производится с 16 часов»...

В настоящее время полный запрет на производство и продажу алкоголя существует лишь в ряде стран мусульманского мира (Иран, Египет, ОАЭ, штаты Бомбей и Мадрас в Индии). Но там это имеет рациональное основание в виде массового религиозного сознания мусульманского населения.

Является ли массовая алкоголизация населения злом? Да, конечно. Но антиалкогольная политика должна включать хорошо продуманную систему мер социального, экономического, воспитательного характера.

⁵³ См.: Гишинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд. СПб., 2007. С. 287, 307 – 322.

Вместе с тем *запрет* на продажу алкогольных изделий – безусловно *криминогенный фактор*, провоцирующий контрабанду, подпольное изготовление алкоголя, нередко грозящего здоровью и жизни людей (фальсификат), самогонование, и создающий поле деятельности организованной преступности.

Наркотики

Проблема торговли наркотиками одна из наиболее острых и дискуссионных в современном мире. Надо ли напоминать, что власти и правоохранительные органы России придерживаются политики безусловного запрета потребления и торговли наркотиками и уголовной ответственности за любые действия, связанные с наркотиками: незаконное изготовление, переработка, приобретение, сбыт, хранение, перевозка, пересылка наркотических средств и психотропных веществ, культивирование наркосодержащих растений и др. – ст. ст. 228 – 234 УК РФ. Венцом этой политики стало предложение мэра Москвы Ю. М. Лужкова ввести смертную казнь за торговлю наркотиками.

Между тем наркотики сопровождают человечество всю известную историю. Еще «отец истории» Геродот описывал употребление древними египтянами производных каннабиса, а «отец медицины» Гиппократ использовал опий в медицинской практике. О снотворном действии опия упоминается в Шумерских таблицах, т. е. 6 тысяч лет назад. Раскопки в Перу и Эквадоре свидетельствуют об употреблении листьев коки около 2300 лет назад. Очевидно, человеку, как и некоторым животным (вспомним кошку и валерьянку, собаку, которая что – то откопала в лесу и «ловит кайф», валяясь на спине), присуще стремление изменять психику с помощью каких – либо средств – будь то наркотики, алкоголь, токсические вещества, табак или же крепкий чай (включая «чифир»), крепкий кофе и т. п.

Долговечность наркопотребления, как и любого социального «зла», свидетельствует о том, что оно выполняет вполне определенные *социальные функции*. Как и алкоголь (который тоже является наркотиком, различия между ними не в характере воздействия на центральную нервную систему, а в юридической оценке), наркотики выполняют функции анестезирующую (снятие или уменьшение боли), седативную (успокаивающую, снижающую напряжение), психостимулирующую (наряду с чаем или кофе), интегративную (наряду с табаком; вспомним наши «перекуры» или «трубку мира» американских индейцев). Потребление наркотиков может служить формой социального протеста, средством идентификации (показателем принадлежности к определенной субкультуре), а потребление некоторых из них – «элитарных», «престижных» (например, кокаина) играет престижно – статусную роль. Другое дело, что *за все приходится платить*, и потребители наркотиков или иных психотропных веществ расплачиваются здоровьем, потерей работы, учебы, семьи, жизнью.

В наркомании видят бегство не только от жестоких условий существования (Р. Мертон, Дж. Макдональд, Дж. Кеннеди и др.), но и от всеобщей стандартизации, регламентации, запрограммированности жизни в современном обществе (Ж. Бодрийяр).

«Наркотики сами по себе не составляют сущности проблемы. Злоупотребление ими – это симптом глубоких противоречий, с которыми сталкивается личность в попытках преодолеть стрессовые жизненные ситуации, в поисках положительных межличностных контактов в виде понимания, одобрения, а также эмоциональной и социальной поддержки. При их отсутствии наркотики выполняют роль своеобразных костылей, которые, к сожалению, не лечат, а калечат»⁵⁴. Это высказывание лишней раз показывает, как недостаток «позитивных санкций» (одобрения), эмоциональной поддержки приводит к ситуации, которую пытаются «исправить» негативными санкциями.

На личностном уровне «уход» в наркотики (равно как в пьянство или тотальный уход из жизни – самоубийство) – результат, прежде всего, *социальной неустроенности, исключенности (exclusion)*, неблагополучия, «заброшенности» в этом мире, утраты или отсутствия смысла жизни. «Если у человека нет смысла жизни, осуществление которого сделало бы его счастли-

⁵⁴ Линг Дж. Общие проблемы наркомании: анализ и перспективы // ИМПАКТ, 1985. С. 98.

вым, он пытается добиться ощущения счастья в обход осуществлению смысла, в частности с помощью химических препаратов»⁵⁵.

Государственная политика и общественное мнение по отношению к наркотикам и наркопотреблению существенно различались и различаются во времени и по странам: от терпимости и даже благожелательности до полного неприятия, запрета (прогибиционизм) и преследования. Причем это касается не только тех наркотиков, которые сегодня изъяты из легального оборота, но и таких, как алкоголь, никотин (табак), кофеин (кофе) и др. «По иронии судьбы, в противовес своей теперешней популярности, алкоголь и никотин, так же, как кофеин, были запрещены в прошлом... В 1642 г. Папа Урбан VIII издал буллу об отлучении от церкви всех употреблявших табак. Некоторые европейские государства запретили его, а султан Османской империи Мурад IV даже назначил смертную казнь за курение табака. Тем не менее ни одна из стран, в которую попал табак, не достигла успеха в его запрете, несмотря ни на какие наказания. Аналогичным образом провалились все попытки запрета чая, кофе и какао»⁵⁶. Не та же ли судьба уготована наркотикам?

История знала и вполне мирное сосуществование общества и наркотиков, и антагонизм вплоть до сражений («опийные войны» в Китае, военные действия США против латиноамериканских наркобаронов). Однако, «мы не выиграли ни одного сражения с наркотиками и никогда не выиграем», ибо «мы не можем изгнать наркотики и наркоманов из нашей жизни»⁵⁷. Как говорил Уполномоченный по вопросам наркомании г. Гамбурга г-н Х. Боссонг, выступая с докладом в Санкт – Петербурге (февраль 1995 г.), «Употребление наркотиков и наркозависимость не исчезнут при системе запретов уголовного закона... Нельзя научить человека вести здоровый образ жизни под угрозой уголовного наказания». А криминолог Шончек политику «войны с наркотиками» рассматривает как результат мистификации проблемы, ложного сознания и лицемерия⁵⁸. «Общество без наркотиков – это разрушительная иллюзия», говорил К. Бруун – один из соавторов замечательной книги «Удобный враг», в которой дается отповедь сторонникам запрета наркотиков⁵⁹.

Именно поэтому в настоящее время в цивилизованном мире наблюдается постепенный переход от политики «войны с наркотиками» («*War on Drugs*») к политике «меньшего вреда» («*Harm reduction*»). Об этом говорится в Докладе Национальной Комиссии США по уголовной юстиции⁶⁰, в трудах ученых и выступлениях политиков. Наиболее последовательно по этому пути пошли Нидерланды, Швейцария, Великобритания, Австралия⁶¹. «Третий путь» – сочетание запрета с активной антинаркотической пропагандой, социальной и медицинской помощью наркоманам – избрала Швеция.

Трезвую оценку запрета наркоторговли с экономической точки зрения дает Л. М. Тимофеев: «Из всех возможных способов регулирования отрасли – налогообложение, национализация, запрет – запрет как раз наименее продуктивен. Запретить рынок – не значит уничтожить его. Запретить рынок – значит отдать *запрещенный*, но активно развивающийся рынок под полный контроль криминальных корпораций... Запретить рынок значит обогатить криминальный мир сотнями миллиардов долларов, предоставить криминальным силам широкий доступ к общественным благам. И, наконец, самое главное. Запретить рынок – значит дать

⁵⁵ Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 30.

⁵⁶ Криминология / ред. Дж. Шели. СПб, 2003. С. 312.

⁵⁷ Требач А. Примирение с наркотиком // Социологические исследования. 1991. № 12. С. 14 5.

⁵⁸ Schoncheck J. On Criminalization: An Essay in the Philosophy of the Criminal Law. Kluwer Academic Publishers, 199 4.

⁵⁹ Кристи Н., Бруун К. Удобный враг. Политика борьбы с наркотиками в Скандинавии. М., 2004.

⁶⁰ Donziger S. The Real War on Crime: The Report of the National Criminal Justice Commission. Harper Collins Publ., Inc., 1996.

⁶¹ Klingemann H., Hunt G. (Eds.) Drug Treatment Systems in an International Perspective: Drugs, Demons, and Delinquents. SAGE Publications. 1998.

криминальным корпорациям возможности и ресурсы для целенаправленного, программного политического влияния на те или иные общества и государства»⁶².

Пожалуй, самое удивительное, что мировое сообщество начинает осознавать последствия многолетней «войны с наркотиками» (*War on Drugs*).

В марте 2009 г. вышел в свет Доклад Директора – исполнителя Управления ООН по наркотикам и преступности под характерным названием: «Организованная преступность и угроза безопасности. Борьба с *разрушительным последствием* [выделено мной – Я.Г.] контроля над наркотиками». В докладе говорится об одном «трагическом и неожиданном» последствии «борьбы с наркотиками» – колоссальном расширении криминального рынка. С *неожиданностью* трудно согласиться. Иначе и быть не могло: запрет на легальный рынок с *неизбежностью* влечет формирование нелегального, криминального рынка. В результате, продолжает автор доклада, «ряд стран сталкивается сегодня с криминогенной ситуацией, которая возникла в значительной степени из – за их собственного выбора». А «самым серьезным разрушительным последствием стало появление весьма прибыльного черного рынка контролируемых веществ, подчиненного могущественным преступным картелям, и как следствие этого беспрецедентный рост насилия и коррупции... Наркокартели покупают не только недвижимость, банки и коммерческие структуры, они покупают выборы, кандидатов и партии. Словом, они покупают власть». В докладе отмечается, что «потребителей запрещенных наркотиков значительно меньше, чем людей, употребляющих разрешенные, но обладающими аддиктивными свойствами и нередко оказывающие смертельное действие вещества, такие, как табак и алкоголь». Напомним, кстати, что, в отличие от алкоголя, кокаин, галлюциногены и производные каннабиса не порождают физическую зависимость⁶³.

Одно из важнейших достижений Доклада – предлагаются некоторые направления несиловой антинаркотической политики: «осуществление мероприятий, направленных на изменение социальных условий, с целью оказать воздействие на обстановку, в которой процветают рынки наркотиков»; социальная интеграция наркоманов и групп риска – жителей городских трущоб; предоставление возможностей выбора для реальных или потенциальных безработных, молодых людей с низким образовательным уровнем. Кроме того, «потребители наркотиков... не должны привлекаться к уголовной ответственности. С учетом состояния их здоровья их нужно отправлять на реабилитацию, а не за решетку».

И как будто специально для России: «Именно государства должны проявлять сдержанность, находя альтернативные пути решения проблем наркотиков и преступности. Политическую и административную некомпетентность нельзя ошибочно использовать для оправдания нарушений прав человека, и правительства, прежде всего, должны разорвать этот ужасный замкнутый круг».

Есть правительства, которые быстро откликнулись на призыв Комиссии ООН. «Так и не одержав победы, США завершают многолетнюю войну с наркотиками». Новый руководитель Управления по национальной политике в области контроля за распространением наркотиков Джил Керликовске заявил: «Независимо от того, как вы это называете – войной с наркотиками, или войной с продуктом, или как – то еще, – люди рассматривают ее как войну с ними лично. А мы не воюем с собственным народом»⁶⁴. О такой войне с собственным народом свидетельствует, в частности, то, что в американских тюрьмах доля осужденных за преступления, связанные с наркотиками, выросла с 16 % в 1995 г. до 27 % в 2007 г.

У администрации США нашлось разума и мужества признать провал политики «войны с наркотиками». А как другие правительства?

⁶² Тимофеев Л. Наркобизнес: Начальная теория экономической отрасли. М., 1998. С. 107.

⁶³ Santino U., La Fiura G. Behind Drugs. Edizioni Gruppo Abele, 1993, p. 36.

⁶⁴ Ж. «Власть». № 22 (825), 2009.

Автор этих строк убежден, что рано или поздно мир придет к необходимости легализации наркотических средств. Ибо, во – первых, потребление их – это личное дело каждого (так же, как потребление вредных для здоровья табака, алкоголя и т. п.). Во-вторых, без легализации наркотиков не избавиться от наркобизнеса, без избавления от наркобизнеса невозможно противостоять терроризму, в значительной степени финансируемому за счет наркодолларов. В-третьих, в принципе ни одну социальную проблему никогда еще не удавалось решить путем запретов и репрессий, а лишь изменением социальных условий, порождающих ее.

Гемблинг

Гемблинг (*gambling*) или лудомания – игровая зависимость, патологическая склонность к азартным играм, которая «заключается в частых повторных эпизодах участия в азартных играх, что доминирует в жизни субъекта и ведет к снижению социальных, профессиональных, материальных и семейных ценностей, не уделяется должного внимания обязанностям в этой сфере» (МКБ – 10, 1994).

Гемблинг как аддикция (зависимость) относится к ретретистским формам девиантности наряду с алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией. Страсть к азартным играм проходит через всю человеческую историю. Далеко не всегда азартная игра приводит к игровой зависимости. Точно также как не всякое употребление алкоголя или некоторых наркотиков приводит к патологической зависимости.

Да, гемблинг, как и иные виды зависимости, приносит страдание близким лудомана, подрывает экономику семьи, иногда доводит его самого до самоубийства. Но *запрет* легальных игорных заведений (казино, залов игорных автоматов) приводит к легко ожидаемым последствиям – уход их в нелегальное подполье (*катраны*, известные в России еще с советских времен), расширение коррупционного рынка, обеспечение организованной преступности еще одним видом деятельности. Не говоря уже о том, что налоги, которые имело государство, уходят в зону теневой экономики, черного рынка.

В 2007 г., когда обсуждался путинский проект закрытия всех игорных заведений с переносом их в специальные зоны, я писал: «С учетом российских расстояний и российских дорог... реализация этого проекта вызывает существенные сомнения. Если же проект будет реализован, ...то легко предсказуемыми последствиями может стать широкое распространение нелегального, подпольного бизнеса, полностью подконтрольного криминальным структурам... Сегодня лишение масс населения привычных занятий, отлучение от игры не может не породить уход в подполье при запрете легальной деятельности игрового бизнеса»⁶⁵.

Как в воду глядел! Еще до 1 июля 2009 г. – даты запрета на игорный бизнес – стали создаваться «рестораны», вход в некое заднее помещение которых не менее 5000 у.е., «развлекательные интернет – центры», «уютные домашние условия» (Казань), «спортивные покерные клубы», а то и просто подпольные катраны, крышуемые милицией. Стоимость крыши – около \$ 2000⁶⁶. Разумеется, ни одна из четырех планируемых «зон» (à la Лас – Вегас) не построена...

Итог запрета: тысячи сотрудников игорных заведений пополнили растущие ряды безработных, казна не получает налоги, на радость криминалитету выстраивается надежная сеть подпольных заведений, вырос рынок коррупционных услуг. Что следующее запрещать будем?

⁶⁵ Гилинский Я. И. Игровая зависимость: альтернатива наркотической? В.: Онлайн исследования в России: тенденции и перспективы / ред. А. В. Шашкин, М. Е. Позднякова. М., 2007. С. 87 – 88. См. также: Tsytsarev S., Gilinsky Y. [Gambling in] Russia. In: Meyer G., Hayer T., Griffiths M. (Eds.) Problem Gambling in Europe. Challenges, Prevention, and Interventions. Springer, 2009, pp. 243 – 256.

⁶⁶ The New Times, 23.03.2009. С. 22 – 23; Новая газета, 02.04.2009. С. 12 – 13.

Проституция

Ревнителям нравственной чистоты очень хочется запретить – под страхом административной, а лучше – уголовной ответственности и проституцию. Между тем, ее не случайно именуют «древнейшей профессией». Древнейшая – то она не совсем, до нее существовали как минимум земледелие и пастушество, но продажа тела стала возможной с возникновением товарно – денежных отношений, как и любая купля – продажа: знаний, умений, силы, да и совести.

Древние были рациональнее многих нынешних. Исследователи связывают институционализацию проституции с дейтерионами (или доктерионами) – первыми публичными домами, основанными Солоном (VI в. до н. э.), установившим и единую плату для всех посетителей – один обол. За это один из современников Солона воспевает его: «Солон, слава тебе, что ты купил публичных женщин для блага города, наполненного крепкими молодыми мужчинами, которые без твоего мудрого учреждения должны бы были предаваться нарушающему покой преследованию женщин из лучшей среды». В этом величании «выдается» одна из *социальных функций* проституции: служить предохранительным клапаном моногамного брака. Позднее эту функцию проституции понимали (или догадывались о ней?) и отцы церкви. Так, святой Августин восклицает: «Если уничтожить публичных женщин, то сила страстей все разрушит!». Ему вторит Фома Аквинский: «Уничтожьте проституцию, и всюду воцарится безнравственность!». Так этого хотят наши сегодняшние святоши?

Конечно, продажность дело неблагородное. Кстати это в неменьшей степени, чем к торговле телом относится к продажным политикам, ученым, журналистам («вторая древнейшая профессия») и т. п. Но, повторяюсь, в условиях товарно – денежных отношений была, есть и будет торговля телом, знаниями, умениями, вещами, услугами. И как во всех других случаях, любой запрет порождает лишь подпольный, криминальный рынок и коррумпированность тех, кому надлежит следить за исполнением запрета.

Поэтому общество и государство должны не запрещать проституцию, а обеспечить безопасность деятельности ее жриц – от сутенеров, от маниакальных клиентов, от ЗППП (заболеваний, передающихся половым путем). И не надо посмеиваться над объединением зарубежных проституток в профсоюзы, призванные отстаивать профессиональные интересы работниц сексиндустрии.

Гомосексуализм

Гомосексуализм, строго говоря, нельзя отнести к числу социальных «девиаций». Это, как правило, одно из врожденных выражений разнобразия сексуальных ориентаций, наряду с гетеросексуальной, бисексуальной, гермафродитизмом, транссексуализмом. Гомосексуализм, как мужской, так и женский, существовал у первобытных народов Африки, Азии, Америки. Гомосексуальные отношения были распространены в древней Индии, Египте, Вавилоне, а также в Древней Греции и Риме.

По данным различных исследователей, в современном мире устойчивую гомосексуальную направленность имеют в среднем 1 – 6 % мужчин и 1 – 4 % женщин. Даже если исходить из минимальных показателей 1 – 2 %, в России должно быть не менее 1,5 – 3 млн. человек устойчивой гомосексуальной ориентации. Локальные же исследования свидетельствуют о значительно большем распространении гомосексуализма. Не удивительно: гомосексуалистов гораздо больше за счет «социального фактора»: закрытые учебные заведения, тюрьмы, казармы. Таким образом, в гомосексуализме «виноваты» либо генетика, либо общество. Будем запрещать и наказывать?

Очевидно, и гомосексуализм, и бисексуализм нормальны в том смысле, что представляют собой результат некоего разброса, поливариантности сексуального влечения, сформировавшегося в процессе эволюции человеческого рода. Если бы все иные формы сексуального поведения, кроме гетеросексуального, были абсолютно патологичны, они бы давно элиминировались в результате естественного отбора. Заметим, кстати, что и многие животные виды не без гомосексуального «греха». О «нормальности» гомосексуализма свидетельствует его относительно постоянный удельный вес в популяции⁶⁷.

Уже в силу сказанного запрет гомосексуализма, в том числе, уголовно – правовой (печально известная ст.121 УК РСФСР), противоречит и здравому смыслу и элементарным правам человека.

Более того, в современных цивилизованных обществах и государствах уголовным преступлением, одной из разновидностей «преступлений ненависти» (*Hate crimes*) является гомофобия, т. е. действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, либо на унижение достоинства человека или группы лиц по признаку сексуальной ориентации. Так что наш любитель смертной казни Ю. М. Лужков, неоднократно выступавший с гомофобными заявлениями и запрещавший демонстрации геев и лесбиянок в Москве, был бы вполне обоснованно привлечен к уголовной ответственности в странах Западной Европы.

⁶⁷ Подробнее см.: Гилинский Я. Девиантология... Указ. соч. С. 391 – 397.

Порнография

Никто не знает, что такое «порнография». Юридически значимое определение порнографии отсутствует в мировой законодательной практике. Каждый *конструирует* это в меру своего понимания (отсюда – противоположные заключения различных экспертов по данному предмету).

Одно из неофициальных определений порнографии: «Непосредственное, вульгарно – натуралистическое изображение или словесное описание половых органов и полового акта, имеющее целью сексуальное возбуждение».

Что такое «непосредственное»? Что такое «вульгарно – натуралистическое»? А если не имеет целью сексуальное возбуждение? А если вызывает не возбуждение, а отвращение? А если возбуждает чтение литературы (А. Куприн, Г. Миллер), или разглядывание скульптуры (Венера Милосская)? А если не возбуждает «непосредственное, вульгарно – натуралистическое изображение или словесное описание половых органов и полового акта»?

Таким образом, предусмотрена уголовная ответственность (ст. ст. 242, 242 – 1 УК РФ) за то, неизвестно за что...

И вообще «список книг, запрещенных по обвинению в порнографии, выглядит как доска почета: Джойс, Пушкин, Маяковский, Пруст, Флобер...».

Однако репрессивная политика властей (прежде всего, Государственной Думы), подогреваемая и раздуваемая популистскими политиками и СМИ, привела к тому, что население страны готово поддерживать любые действия «против порнографии», включая запрет и уничтожение выставок произведений живописи, литературных произведений, кинопродукции.

Ожидаю возражение: а как же использование детей для производства «порнографической» продукции? Вы и это хотите разрешить? Нет. Возможно такое решение проблемы: декриминализация деяний, предусмотренных ст. ст. 242, 242 – 1 УК и введение нового состава преступления. Что – то вроде: «Привлечение детей в возрасте до ... лет к изготовлению продукции с сексуальными, эротическими сценами».

Производство аборта

Американский криминолог Э. Шур к числу не подлежащих криминализации «преступлений без жертв» относит, помимо потребления наркотиков, гомосексуализма, азартных игр, проституции, также производство аборт⁶⁸. Возражения сторонников запрета аборт⁶⁸ (кроме как по медицинским показаниям) на первый взгляд представляются весомыми. Что ни говори, аборт – лишение жизни еще не родившегося, но зачатого и живого существа.

И все же нельзя не поддержать американского коллегу и высказаться за абсолютную недопустимость запрета аборт⁶⁸. И в этом случае, как и в рассмотренных выше, родить ребенка или сделать аборт – свободное волеизъявление матери, сколь бы драматичным оно ни было. Женщина решается на аборт не от хорошей жизни. Это может быть уход из семьи отца зачатого ребенка или отказ признать отцовство при незарегистрированном браке. Это может быть нежелательная беременность при наличии у матери других детей и тяжелом материальном положении. Беременность может быть результатом случайных отношений, никогда и не предполагавших перейти в семейные. Во всех этих и подобных случаях аборт, по мнению матери, является «крайней необходимостью». И запрет на аборт легальный, в медицинском учреждении приводит лишь к нелегальному, криминальному аборту со всеми негативными последствиями – от невозможности в дальнейшем иметь ребенка до гибели женщины. Ибо женщина, твердо решившая не рожать ребенка, совершит аборт в любом случае, в том числе, с помощью бабки – знахарки в антисанитарных условиях.

Аборт был запрещен (кроме как по медицинским показаниям) Уголовными кодексами РСФСР 1926 г. (ст. 140) и 1960 г. (ст. 116). В конце 1950-х – начале 1960-х годов я был на практической работе и не понаслышке знаю, сколько женщин погибло или было изувечено в результате криминальных аборт⁶⁸. Хорошо помню, как я присутствовал на судебно – медицинском вскрытии трупа молодой женщины, погибшей в результате аборт⁶⁸, а вокруг морга метался вдовец, оставшийся с двумя другими детьми на руках.

И в этом случае запрет – криминогенный фактор, порождающий криминальный подпольный рынок соответствующих медицинских (или знахарских) «услуг». Есть спрос (пусть вынужденный) – будут предложения.

⁶⁸ Schur E. Crimes Without Victims. Englewood Cliffs, 1965; Шур Э. Наше преступное общество. Социальные и правовые источники преступности в Америке. М., 1977. С. 262 – 309.

Экономические преступления (*mala prohibita*) и коррупция

Менее всего я хочу «оправдать» многие экономические, беловоротничковые (*white – collar crime*) преступления. Однако зарегулированность, чрезмерная деликтолизация и криминализация экономической деятельности лишь способствует бурному развитию теневой, полуправильной и криминальной экономики, о чем говорилось выше со ссылкой на соответствующую экономическую литературу.

Что касается коррупции, то она возникает, формируется и приобретает тотальный характер именно на основе бесчисленных запретов, обойти которые бывает жизненно необходимо (в здравоохранении, образовании, при решении жилищных и бытовых проблем), а возможно лишь с помощью взятки⁶⁹.

⁶⁹ Тимофеев Л. Институциональная коррупция. Очерки теории М., 2000; Гилинский Я. Девиантология... Указ. соч. С. 265 – 284.

Заключение

Затронутая тема имеет общемировое значение. О росте репрессивности сознания, «моральной паники» особенно среднего класса, пораженного «страхом перед преступностью» (С. Коэн), о растущем вмешательстве государства в экономику стран и негативных последствиях этого пишут многочисленные зарубежные исследователи⁷⁰. Об этом же свидетельствует правоприменительная практика и пенитенциарная политика⁷¹. Но наиболее актуальна эта тема для стран с «пережитками» тоталитаризма, авторитаризма или с их проявлениями в реальной действительности. Не секрет, что к числу таких стран относится и современная Россия. Давнишняя российская традиция «тащить и не пущать», святая вера в могущество запрета и максимально жестких санкций за их нарушение – многовековая трагедия России, к сожалению поддерживаемая, а то и раздуваемая сегодняшней политической «элитой».

О неразвитости свободолобия и толерантности в российском обществе (равно как и о некотором прогрессе в этом) свидетельствуют, в частности, результаты массовых опросов населения, проводимых Левада – центром: за ликвидацию или изоляцию от общества проституток выступало 60 % опрошенных в 1989 г. и 39 % в 2005 г.; аналогично предложили поступать с гомосексуалистами 63 % в 1989 г. и 48 % в 2005 г.; за ликвидацию или изоляцию наркоманов было 53 % всех опрошенных в 1989 г. и 48 % в 2005 г. Иная динамика отношения к членам религиозных сект: за их ликвидацию или изоляцию от общества было всего 10 % в 1989 г. и уже 54 % – в 2005 г.⁷². Сказалась активность РПЦ?

Свободолюбивый пафос настоящей статьи, разумеется, не исключает использование государством системы запретов, ограничений и санкций за их нарушения. Вся проблема в разумном, рациональном, умеренном их применении. Так, по мнению Всемирного Банка «высокий рейтинг в степени свободы предпринимательства не означает, что в стране отсутствует регулирование... Все страны, обладающие высоким рейтингом, регулируют экономическую деятельность, но делают это с меньшими затратами и возлагают меньшее бремя [на граждан]»⁷³. Кстати, по данным различных источников на 2005 г., наименьшее бремя ограничений экономической свободы в Новой Зеландии, Сингапуре, Австралии, Гонконге, Китае и Великобритании. Россия занимает 79-е место из 155 стран. На последнем месте – Конго⁷⁴.

И последнее: понимание того, что *запрет часто служит значимым криминогенным (девиантогенным) фактором, порождает многочисленные «теневые» последствия, расширяя поле коррупции, деятельности организованной и экономической преступности*, призвано способствовать совершенствованию законотворческой и правоприменительной практики, а также целенаправленному формированию правосознания населения и воспитанию толерантности.

Правда, автор не столь наивен, чтобы верить в реализацию сказанного.

⁷⁰ Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия: Вперед к ГУЛАГу западного образца. М., 2001; Кристи Н. Приемлемое количество преступлений. СПб., 2006; Маколи М. Дети в тюрьме. М., 2008; Познер Р. Экономический анализ права. В 2 – х томах. СПб., 2004; Walmsley R. World Prison Population List // Home Office. Finding 166. 2002; Walmsley R. Further Developments in the Prison Systems of Central and Eastern Europe. Achievements, Problems and Objectives. Helsinki, 2003.

⁷¹ Соответствующие данные см.: Гишинский Я. Криминология... Указ. соч. С. 420.

⁷² Заостровцев А. П. Идеалы конституционной экономики и российская реальность. В: Актуальные экономические проблемы России / ред. Л. Лимонов. СПб., 2005. С. 142.

⁷³ Хопкинс Т. Регулирование в США и его контекст. В: Экономическая школа. Аналитическое приложение. №№. 2006. С. 135 – 144.

⁷⁴ Хопкинс Т. Там же. С. 143 – 144.

Что же делать с преступностью?⁷⁵

Вся история человечества – одно сплошное преступление
А. Макаревич

Проблема преступности со страниц профильных научных журналов давно переключалась в СМИ. И тенденция эта не только российская. Тому есть, по меньшей мере, два объяснения. Во-первых, население все обостреннее воспринимает потенциальную криминальную угрозу (по С. Коэну – *moral panic, fear of crime*)⁷⁶. Во-вторых, нет ничего более лакомого для СМИ, чем криминальные страшилки (жуткие сексуальные маньяки, страшные педофилы, судьба Деда Хасана и т. п.). Правда, народ всегда интересовался «Джеками – потрошителями» и «Кудеярами – атаманами», но то была молва людская, устно передаваемая из поколения в поколение. А современные средства связи позволяют почти одновременно с событием выплеснуть сведения о нем в миллионные массы всех стран (теракт 11 сентября 2001 года в Нью – Йорке, террорист Брейвик, бостонские террористы и т. п.).

Профессионально в проблемах преступности должны разбираться криминологи. Предмет криминологии – не столь простая материя. Но все сложнейшие криминологические вопросы сжато, схематично могут быть сведены к трем фундаментальным: 1) что есть преступность? 2) «кто виноват?» и 3) что делать?

Ниже будет предложен авторский ответ на эти вопросы. Разумеется, это сугубо авторская позиция, которая может отнюдь не совпадать с мейнстримом. Автор совершенно не претендует на истину в последней инстанции. Более того, я принципиальный противник самой возможности постичь «окончательную» Истину по любому научному вопросу... Не устаю повторять вслед за Нильсом Бором:

«каждое высказанное мною суждение надо понимать не как утверждение, а как вопрос».

Приношу извинения читателям за то, что буду прибегать к моим уже ранее опубликованным текстам (в частности, к моей «Криминологии»⁷⁷). Тема наболевшая, в разное время с разных сторон мною исследованная. В предлагаемой ниже статье я постарался сжато выразить квинтэссенцию своих размышлений.

⁷⁵ Российский криминологический взгляд. 2013. № 3. С. 282 – 291.

⁷⁶ «Есть, что терять», «больно нежными стали»...

⁷⁷ Гишинский Я. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. СПб: Юридический центр Пресс, 2009.

Что есть преступность?

Преступность – нормальное явление потому, что общество без преступности совершенно невозможно.

Э. Дюркгейм

Самый простой ответ: совокупность всех деяния, предусмотренных уголовным законом. Или: «Преступления – такие акты, которые юридически осуждены государством и считаются заслуживающими наказания и контроля»⁷⁸. Но это – не сущностные определения. Определения типа «все преступления (и преступники) за определенный промежуток времени» столь же описательны и не вскрывают сути сложного социального явления, как определение туберкулеза – «все больные туберкулезом за определенный промежуток времени на определенной территории» – ничего не говорит о характере, сущности заболевания.

Случайно ли ни отечественные, ни зарубежные криминологи не «додумались» до «правильного» определения главного предмета своих исследований? Конечно же нет. Преступность – сложное социальное явление, не имеющее «естественных» границ и определяемое с помощью двух разнопорядковых критериев: 1) «общественной опасности», реального вреда и 2) предусмотренности уголовным законом (*nullum crimen sine lege* – нет преступлений без указания о том в законе).

Очевидно, что в различных странах и в разное время существенно различен круг деяний, признаваемых преступными. То, что в одной стране – преступление, в другой не признается таковым, и наоборот. То, что преступным было вчера (например, добровольный гомосексуализм – ст. 121 УК РСФСР 1960 г., бродяжничество, попрошайничество, ведение паразитического образа жизни – ст. 209 УК РСФСР) – не преступно (декриминализировано) сегодня, и наоборот (незаконное предпринимательство – ст. 171 УК РФ 1996 г., фиктивное банкротство – ст. 197 УК РФ).

В реальной действительности нет объекта, который был бы «преступностью» (или «преступлением») по своему содержанию, своим внутренним, имманентным свойствам, sui generis, per se.

Преступление и преступность – понятия *релятивные* (относительные), *конвенциональные* («договорные»: как «договорятся» законодатели), они суть – социальные *конструкты*, лишь отчасти отражающие социальные реалии: некоторые люди убивают других, некоторые завладевают вещами других, некоторые обманывают других и т. п. Но ведь *те же самые по содержанию* действия могут не признаваться преступлениями: убийство врага на войне, убийство по приговору (смертная казнь), завладение вещами другого по решению суда, обман государством своих граждан и т. п.

Осознание того, что многие привычные общественные явления суть не что иное как *конструкции*, более или менее искусственные, «построенные» обществом, сложилось в социальных науках лишь во второй половине XX столетия⁷⁹. И хотя применительно к нашему предмету такое осознание было присуще еще Древнему Риму (*ex senatusconsultis et plebiscitis crimina exercentur* – преступления возникают из сенатских и народных решений), однако в современной криминологии признание преступности социальной конструкцией наступило сравнительно поздно, хотя сегодня разделяется многими зарубежными криминологами⁸⁰. Это четко фор-

⁷⁸ White R., Habibis D. Crime and Society. Oxford University Press, 2005, p. 17.

⁷⁹ Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. NY: Doubleday, 1966.

⁸⁰ Barkan S. Criminology: A Sociological Understanding. New Jersey: Prentice Hall, Upper Saddle River. 1997; Caffrey S., Mundy C. (Eds.) The Sociology of Crime and Deviance. Greenwich University Press, 1995; De Keseredy W., Schwartz M. Contemporary criminology. Wadsworth Publishing Co., 1996, pp. 45 – 51; Hester S., Eglin P. Sociology of Crime. N Y. – L. Routledge, 1992, pp.

мулируют германские криминологи Х. Хесс и С. Шеерер⁸¹: преступность не онтологическое явление, а мыслительная конструкция, имеющая исторический и изменчивый характер. Преступность почти полностью конструируется контролирующими институтами, которые устанавливают нормы и приписывают поступкам определенные значения. Преступность – социальный и языковой конструкт.

Об этом же пишет голландский криминолог Л. Хулсман: «Преступление не онтологическая реальность... Преступление не объект, но продукт криминальной политики. Криминализация есть один из многих путей конструирования социальной реальности»⁸².

«Понятие *преступность* есть ярлык, который мы применяем, определяя поведение, нарушающее закон... Ключевым является то, что преступления порождаются уголовным законом, который сочиняют люди. *Преступность* не существует в природе, это выдумка (*invented*) людей», – отмечает М. Робинсон⁸³.

Н. Кристи (Норвегия) останавливается на том, что преступность не имеет естественных природных границ. Она суть продукт культурных, социальных и ментальных процессов.⁸⁴ А отсюда казалось бы парадоксальный вывод: «Преступность не существует» (*Crime does not exist*)⁸⁵.

Подробно обосновывается понимание преступности и преступления как социальных конструктов, а также рассматривается процесс такого конструирования в четвертом издании Оксфордского справочника (руководства) по криминологии⁸⁶.

Как происходит конструирование одной из современных (начиная с середины 80-х гг. XX в.) разновидностей преступности – «преступлений ненависти» («*Hate crimes*»), т. е. преступных посягательств по мотивам расовой, этнической, религиозной ненависти, а также гомофобии – показано в книге двух американских криминологов⁸⁷. В этом конструировании («*Hate crime*“ is a social construct») принимают участие СМИ и политики, ученые и ФБР. Роль политического режима в конструировании преступности и иных социальных девиаций показана мною в одной из работ⁸⁸. А участие СМИ в конструировании преступности и иных девиантных проявлений рассмотрена в монографии И. Г. Ясавеева⁸⁹.

С моей точки зрения, *вся жизнь человека есть не что иное, как онтологически нерасчлененная деятельность по удовлетворению своих потребностей*. Я устал и выпиваю бокал вина или рюмку коньяка, или выкуриваю «Marlboro», или выпиваю чашку кофе, или нюхаю кокаин, или выкуриваю сигарету с марихуаной... Для меня все это лишь средства снять усталость, взбодриться. И почему первые четыре способа социально допустимы, а два последних «девиантны», а то и преступны, наказуемы – есть результат социальной конструкции, договоренности законодателей «здесь и сейчас» (ибо бокал вина запрещен в мусульманских странах, марихуана разрешена в Нидерландах, курение табака было запрещено в Испании во времена Колумба под страхом смерти и т. д.). Образно говоря, жизнедеятельность человека – пламя, огонь, некоторые языки которого признаются – обоснованно или не очень –

27 – 46; Muncie J., McLaughlin E. (Eds.) *The Problem of Crime*. SAGE, 1996, p. 13.

⁸¹ Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? // *Kriminologische Journal*. 1997. Heft 2.

⁸² Hulsman L. Critical Criminology and the Concept of Crime // *Contemporary Crisis*. 1986. N 10, pp. 63 – 80.

⁸³ Robinson M. *Why Crime? An Integrated Systems Theory of antisocial Behavior*. NJ.: Pearson Prentice Hall, 2004, p. 2.

⁸⁴ Christie N. *A suitable Amount of Crime*. NY. – L.: Routledge, 2004, pp. 10 – 11.

⁸⁵ Christie N. *Ibid.*, p. 1.

⁸⁶ Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) *The Oxford Handbook of Criminology*. Fourth Edition. Oxford University Press, 2007, pp. 179 – 337. См. также: Young J. *The Vertigo of Late Modernity*. SAGE Publications, 2007.

⁸⁷ Jacobs J., Potter K. *Hate Crimes: Criminal Law & Identity Politics*. Oxford University Press, 1998.

⁸⁸ Гишинский Я. И. Девиантность, социальный контроль и политический режим. В: *Политический режим и преступность*. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С.39 – 65. См. так же: *Конструирование девиантности* / ред. Я. Гишинский. СПб: ДЕАН, 2011.

⁸⁹ Ясавеев И. Г. *Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации*. Казань, 2004.

опасными для других, а потому «тушатся» обществом (в случае морального осуждения) или государством (при нарушении правовых запретов).

Сказанное не означает, что социальное конструирование вообще, преступности в частности, совершенно произвольно⁹⁰. Общество «конструирует» свои элементы на основе некоторых онтологических, бытийных реалий. Так, реальностью является то, что некоторые виды человеческой жизнедеятельности причиняют определенный *вред*, наносят *ущерб*, а потому *негативно* воспринимаются и *оцениваются* другими людьми, обществом. Но реально и другое: некоторые виды криминализированных (признаваемых преступными в силу уголовного закона) деяний *не* причиняют вреда другим, а потому криминализированы без достаточных онтологических оснований. Это, в частности, так называемые «преступления без жертв», к числу которых автор этого термина Э. Шур относит потребление наркотиков, добровольный гомосексуализм, занятие проституцией, производство вра чом аборта⁹¹. Печальным примером явно излишней криминализации служит деятельность «взбесившегося принтера» – современного отечественного законодателя...

О том, что законодатель грешит расширительным толкованием вреда, заслуживающего криминализации, свидетельствует тот факт, что, согласно букве уголовного закона большинства современных государств, включая Россию, 100 % взрослого населения – уголовные преступники. Так, по результатам нескольких опросов населения в США, от 91 % до 100 % респондентов подтвердили, что им приходилось совершать то, что уголовный закон признает преступлением (данные Уоллерстайна и Уайля, Мартина и Фицпатрика, Портфельда, и др.).

Постмодернизм в криминологии не без основания рассматривает преступность как *порождение власти в целях ограничения иных, не принадлежащих власти, индивидов в их стремлении преодолеть социальное неравенство, вести себя иначе, чем предписывает власть*. Не менее интересно (и справедливо) определение, даваемое А. И. Долговой: «Преступность – это социальное явление, заключающееся в решении частью населения своих проблем с виновным нарушением уголовного запрета»⁹². Ясно, что правовые (в том числе – уголовно – правовые) нормы и их реализация (что не всегда одно и то же) непосредственно зависят от *политического режима*⁹³.

Объективная сложность логического определения преступности и состоит, очевидно, в том, что оно «конструируется» по двум разным основаниям, лежащим в разных плоскостях: реальный (онтологический, объективный) *вред* и «указание о том в законе», криминализованность, которая всегда является результатом *субъективной воли* законодателя. На это обстоятельство обратил внимание В. Е. Жеребкин еще в 1976 г. Он заметил, что одни признаки понятия «преступление» являются материальными, субстанциальными (общественная опасность или, более корректно – вред), тогда как другие – формальны, несубстанциальны (противоправность, указание в уголовном законе). Сам В. Е. Жеребкин так определяет эти два признака: «*Материальный признак* – это такой признак, который присущ предмету как таковому, является субстанциальным, имманентным его свойством. Это признак объективный, существующий *независимо* от субъекта познания (законодателя) и до него. *Формальный признак* – это признак не субстанциальный, он не принадлежит предмету действительности, не является его имманентным свойством. Этим признаком реальный предмет наделяется субъектом познания (законодателем)»⁹⁴.

⁹⁰ См., например: Оукс Г. Прямой разговор об эксцентричной теории. В: Теория общества: Фундаментальные проблемы. М.: Канон – Пресс – Ц. 1999. С. 292 – 306.

⁹¹ Schur E. Crimes Without Victims. Englewood Cliffs, 1965.

⁹² Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003. С. 7.

⁹³ Подробнее см.: Гишинский Я. Девиянтность, социальный контроль и политический режим. В: Политический режим и преступность. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С.39 – 65.

⁹⁴ Жеребкин В. Е. Логический анализ понятий права. Киев: Вища школа, 1976. С. 37.

Исходя из представлений о преступности, как частном случае девиантности, нами под *преступностью* понимается *относительно распространенное (массовое), статистически устойчивое социальное явление, разновидность (одна из форм) девиантности, определяемая законодателем в уголовном законе*⁹⁵. Аналогичное определение преступлений было предложено Джоном Хаганом: «вид девиаций, который состоит в таких отклонениях от социальных норм, которые запрещены уголовным законом»⁹⁶. Разумеется, предлагаемое определение тоже «хромает», носит рабочий характер и не претендует на «правильность».

⁹⁵ Гилинский Я. И. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. С. 45.

⁹⁶ Hagan J. Modern Criminology: Crime, Criminal Behavior and its Control. NY: McGraw – Hill. 1985, p. 49.

«Кто виноват?»

Нам следует набраться мужества для того, чтобы отказаться от тривиального представления о причинности, когда нам кажется, что одни и те же «причины», действующие на один и тот же «объект», обязательно должны порождать одни и те же следствия.

Н. Моисеев

Проблема «причин» возникновения (генезиса), функционирования и изменений объектов исследования – основная и сложнейшая для каждой науки. Не представляет исключения и криминология. Однако в последнее время ученые различных специальностей все чаще отказываются от самого термина «причина» и причинного объяснения своего объекта, предпочитая выявлять *факторы*, воздействующие на объект исследования, и устанавливать *корреляционные зависимости* между ними. Это обусловлено рядом обстоятельств.

Мир очень сложен, взаимосвязи между системами и их элементами чрезвычайно сложны и многообразны. Очень трудно (а чаще невозможно) выделить *причинно – следственную* связь из всей совокупности взаимодействий даже в физических и биологических системах, не говоря уже о социальных, тем более, когда сам объект – как преступность – не имеет естественных границ в реальности, а суть социальный конструкт.

Нельзя найти специфическую причину конструкта, причудливо меняющегося во времени и пространстве по воле законодателя, власти. Такой поиск приводит к трюизмам: причина преступности «*весь социально – экономический строй*» (М. Н. Гернет⁹⁷) или же – *причина преступности есть уголовный закон*, что вряд ли продвигает нас по пути познания объекта криминологии.

Неудивительно, что большинство современных зарубежных криминологов отказываются от бесконечного поиска «причин» преступности и их умножения, обосновывая тезис «корреляции против причинности» (*correlation versus causation*)⁹⁸.

При этом следует постоянно иметь в виду некоторую двусмысленность, «шизофреничность» объяснения преступности. С одной стороны, рассматривая преступность как социальную конструкцию, мы должны искать объяснение ее существования в деятельности властей, режима, законодателя по *конструированию* «преступности». С другой стороны, пока и поскольку за этой относительно искусственной конструкцией скрываются реальные виды человеческой жизнедеятельности, возможно выявление факторов, условий, обстоятельств, при которых эти виды деятельности будут проявляться с большей или меньшей вероятностью, в большем или меньшем объеме.

Оставить преступность без каких бы то ни было объяснений – значит отказаться от криминологии как науки. Возможно, что разрешение кризисной ситуации – за новой, «сумасшедшей» теорией, которая вышла бы за пределы существующих парадигм криминологии как «нормальной науки» (и потому первоначально была бы категорически отвергнута...) ⁹⁹. Пока же таковая не появилась (это задача молодых, не отягощенных грузом накопленных знаний ¹⁰⁰), поразмышляем над некоторыми факторами, влияющими на состояние, уровень, структуру, динамику преступности.

⁹⁷ См.: Административный вестник. 1926. № 1. С. 30.

⁹⁸ Winfree L., Abadinsky H. Understanding Crime. Theory and Practice. Chicago, 1996, pp. 9 – 11.

⁹⁹ Подробнее см.: Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.

¹⁰⁰ «Важные открытия в конкретных науках почти всегда делали посторонние люди или ученые с необычным складом мышления» (Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. С. 135).

Конечно, можно извлечь из арсенала криминологии множество факторов, так или иначе воздействующих на состояние и динамику преступности. Это экономические факторы (отражаемые ценами на хлеб или на нефть или же децильным коэффициентом и индексом Джини), социально – демографические (пол, возраст, социальный статус, этническая принадлежность и др.), культурологические (принадлежность к той или иной культуре, субкультуре, религиозной конфессии), и даже космические (корреляционные зависимости между уровнем убийств, самоубийств, воровства и солнечной активностью, фазами луны¹⁰¹). В результате факторного, корреляционного анализа можно определить и относительный «вес» каждого фактора в «криминогенном комплексе» отдельных видов преступлений.

Более глубоким нам представляется отыскание «ведущего звена» в «девиантогенном (криминогенном) комплексе», объясняющем преступность наряду с другими проявлениями девиантности. Другая задача, решение которой остается за рамками данного текста, – попытаться объяснить, какие факторы при наличии этого «ведущего звена», «разводят» различные формы девиантности (почему при наличии одних и тех же социальных условий одни совершают преступления, другие спиваются, третьи кончают жизнь самоубийством, а некоторые «уходят» в научное, техническое, художественное творчество. Может быть следует развернуть тезис В. Леви: «Социум выбирает из психогенофонда»?).

Преступность проявляется через действия, поступки людей, запрещенные уголовным законом. Между тем, все свои действия человек совершает, в конечном счете, ради удовлетворения тех или иных потребностей: биологических, или витальных (в пище при чувстве голода, в питье при жажде, в укрытии от неблагоприятных погодных условиях, сексуальных или в продолжении рода); социальных (в статусе, престиже, самоутверждении, самореализации и др.); «духовных», или идеальных (поиск смысла жизни, цели существования, бескорыстное стремление к знанию, творчеству, служению другим людям).

Потребности людей распределены относительно равномерно и имеют тенденцию к возрастанию. А возможности удовлетворения потребностей – различны, неравны. И хотя определенная степень неравенства зависит от индивидуальных особенностей (ребенок или взрослый, мужчина или женщина, здоровый или инвалид, с высоким интеллектом или не очень), однако главным источником неодинаковых возможностей удовлетворять потребности служит *социально-экономическое неравенство*, занятие индивидом различных, неоднородных позиций в социальной структуре общества (рабочий или предприниматель, фермер или банкир, школьный учитель или министр). Именно от социального статуса и тесно связанного с ним экономического положения (можно говорить о едином социально-экономическом статусе) индивида в решающей степени зависят возможности удовлетворять (более или менее полно) те или иные потребности.

Дифференциация общества как следствие углубляющегося разделения труда есть объективный и в целом прогрессивный процесс. Однако, как все в этом мире, она влечет и негативные последствия. Неодинаковое положение социальных классов, слоев (страт) и групп в системе общественных отношений, в социальной структуре общества обуславливает и социально-экономическое неравенство, различия – и весьма существенные – в реальных возможностях удовлетворить свои потребности. Это не может не порождать *зависть, неудовлетворенность, социальные конфликты, протестные реакции*, принимающие форму различных девиаций. «Стратификация является главным, хотя отнюдь не единственным, средоточием структурного конфликта в социальных системах»¹⁰².

¹⁰¹ Чижевский А. Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. М.: Мысль, 1995. С. 350 – 405, 623.

¹⁰² Парсонс Т. Общий обзор. В: Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972. С. 375.

Главным в генезисе девиантности, включая преступность, является не сам по себе уровень удовлетворения витальных, социальных и идеальных потребностей, а *степень различий*, «разрыва» в возможностях их удовлетворения для различных социальных групп. Зависть, неудовлетворенность, понимание самой возможности жить лучше приходят лишь в сравнении¹⁰³.

Это утверждение, хорошо известное по трудам К. Маркса и Р. Мертона, П. Сорокина и М. Гернета, А. Кетле и Д. Белла, статистически подтверждено современными исследованиями С. Г. Олькова¹⁰⁴, И. С. Скифского¹⁰⁵, Э. Г. Юзихановой¹⁰⁶.

Социальная неудовлетворенность, а, следовательно, и попытки ее преодолеть, в том числе – незаконным путем, порождается не столько абсолютными возможностями удовлетворить потребности, сколько относительными – по сравнению с другими социальными слоями, группами, классами. Вот почему в периоды общенациональных потрясений (экономические кризисы, войны), когда большинство населения «уравнивалось» перед лицом общей опасности (когда происходила ломка «перед лицом смерти всех иерархических перегородок»¹⁰⁷), наблюдалось снижение уровня преступности и самоубийств¹⁰⁸.

Итак, *важнейшим криминогенным и девиантогенным фактором служит противоречие (по Р. Мертону – «напряжение», strain) между потребностями людей и реальными возможностями (шансами) их удовлетворения, зависящими, прежде всего, от места индивида или группы в социальной структуре общества, степень социально – экономической дифференциации и неравенства.*

Со второй половины минувшего столетия социально-экономическое неравенство в условиях глобализации привело к разделению стран и населения каждой страны на *включенных* (в активную экономическую, социальную, политическую, культурную жизнь) и *исключенных*. Исключенные (*excluded*) и составляют основную социальную базу различных проявлений девиантности, включая преступность¹⁰⁹.

Для полноты картины нельзя не напомнить, что социальная дифференциация, социально-экономическое неравенство и наличие аутсайдеров, «исключенных» служат... источниками прогресса и двигателями истории.

¹⁰³ См.: Гилинский Я. И. Социально-экономическое неравенство как криминогенный фактор (от К. Маркса до С. Олькова). В: Экономика и право. СПб: Наука, 2009.

¹⁰⁴ Ольков С. Г. Юридический анализ (исследовательская юриспруденция). В 2-х томах. Тюмень, 2003; Он же. О пользе и вреде неравенства (криминологическое исследование) // Государство и право. 2004, № 8; Он же. Аналитическая криминология. Казань, 2007.

¹⁰⁵ Скифский И. С. Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование. Тюмень, 2007.

¹⁰⁶ Юзиханова Э. Г. Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации. Тюмень: Вектор-Бук, 2005; Она же. Тенденции и закономерности преступности в субъектах Российской Федерации. Тюмень, 2007

¹⁰⁷ Гачев Г. Образ в русской художественной литературе. М.: Искусство, 1981. С. 198.

¹⁰⁸ Гернет МЛ. Избранные произведения. М.: Юриздат, 1974. С. 306–310, 449-459; Podgorecki A. Patologia zjacia społecznego. Warszawa, 1969.

¹⁰⁹ Гилинский Я. И. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды СПб юридического института Генеральной прокуратуры РФ, 2004. № 6.

Что делать?

Надо избавиться от иллюзии, будто уголовно-правовая система является главным образом средством борьбы с правонарушениями.
Мишель Фуко

Всякое наказание преступно.
Л. Н. Толстой

А, ничего не сделать!

Похоже, что так. Но требуются пояснения.

Во-первых, *общество (государство, власть, режим) само «выдумывает», конструирует преступления.* Классический пример – «Город Солнца» (1623) Томмазо Кампанеллы (1568-1639), в котором нет частной собственности, все равны, все имеют возможность самореализации. «Поэтому, так как нельзя среди них (жителей Города Солнца – Я.Г.) встретить ни разбоя, ни коварных убийств, ни насилий, ни кровосмешения, ни блуда, ни прочих преступлений, в которых обвиняем друг друга мы, – они преследуют у себя неблагодарность, злобу, отказ в должном уважении друг к другу, леность, уныние, гневливость, шутовство, ложь, которая для них ненавистнее чумы. И виновные лишаются в наказание либо общей трапезы, либо общения с женщинами, либо других почетных преимуществ на такой срок, какой судья найдет нужным для искупления проступка»¹¹⁰.

Итак, если определенные социально-экономические условия позволяют избавиться от деяний, ныне признаваемых преступными, то тогда общество *конструирует* новый набор проступков, подлежащих наказанию! Другое дело, что меры «наказания» в утопическом обществе достаточно либеральны и не связаны ни с отнятием жизни, ни с лишением свободы. Впрочем, утопия она и есть утопия... Не только «был бы человек, статья найдется», но и было бы общество, «преступность» найдется (ее изготовят, сконструируют, не дадут «ликвидировать»!).

Во-вторых, во все времена общество и государство старались минимизировать (ликвидировать, преодолеть) нежелательные для общества виды поведения и их носителей. В каждой стране в этих целях создается система социального контроля над преступностью и иными проявлениями девиантности (пьянством, наркотизмом, проституцией, коррупцией и т. п.). *Но ни одно из нежелательных, негативных социальных явлений, включая преступность, не удалось «ликвидировать», преодолеть ни в одной стране.*

И это не удивительно. Ибо все сущее в обществе выполняет какие-либо социальные функции, а потому не элиминировано в процессе человеческой истории. «Все действительное разумно» (Гегель), «имеет основания», функционально. Многочисленные социальные функции преступности (инновационная, экономическая, политическая – например, роль «козла отпущения», интегративная – «еще теснее сплотиться в борьбе...») описаны в литературе, включая публикации А.М. Яковлева¹¹¹ и автора этих строк. «Наличие, постоянное сохранение в обществе преступности невозможно без признания того, что и преступность выполняет определенную социальную функцию, служит формой либо регулятивной, либо адаптационной (приспособительной) реакции на общественные процессы, явления, институты»¹¹².

Контроль над преступностью – один из видов социального контроля. Поскольку преступность (что бы ни вкладывалось в это понятие в различные эпохи у разных народов) издавна воспринималась как самая опасная форма «отклонений», постольку и средства воздействия

¹¹⁰ Кампанелла. Город Солнца. М.-Л.: АН СССР, 1947. С. 40.

¹¹¹ Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика. М.: Наука, 1985.

¹¹² Яковлев А. М. Социология преступности. М., 2001. С. 14.

на лиц, признанных преступниками, применялись самые жесткие (жестокие). История человечества знает все мыслимые и немыслимые виды пыток, квалифицированных видов смертной казни, калечения¹¹³. Но преступность не покидает общество...

Система социального контроля над преступностью включает *наказание* и *профилактику*. Посмотрим, как они решают проблему «ликвидации» (ну, пусть – сокращения) преступности.

Наказание. В настоящее время в большинстве цивилизованных стран осознается «кризис наказания», кризис уголовной политики и уголовной юстиции, кризис полицейского контроля¹¹⁴.

«Кризис наказания» проявляется, *во – первых*, в том, что после Второй мировой войны во всем мире наблюдался рост преступности, несмотря на все усилия полиции и уголовной юстиции (а с конца 1990-х – начала 2000-х – сокращение, так же независимо от деятельности полиции и уголовной юстиции). *Во-вторых*, человечество перепробовало все возможные виды уголовной репрессии без видимых результатов (неэффективность общей превенции). *В-третьих*, как показал в 1974 г. Т. Мати-сен, уровень рецидива относительно стабилен для каждой конкретной страны и не снижается, что свидетельствует о неэффективности специальной превенции. *В – четвертых*, по мнению психологов, длительное (свыше 5-6 лет) нахождение в местах лишения свободы приводит к необратимым изменениям психики человека¹¹⁵. Впрочем, о губительном (а отнюдь не «исправительном» и «перевоспитательном») влиянии лишения свободы на психику и нравственность заключенных известно давно. Об этом подробно писал еще М. Н. Гернет¹¹⁶. *Тюрьма служит школой криминальной профессионализации, а не местом исправления*. Никогда еще никого не удавалось «исправить» и «перевоспитать» посредством наказания. Скорее, наоборот. «Лица, в отношении которых было осуществлено уголовно-правовое насилие – вполне законно или в результате незаконного решения, образуют слой населения с повышенной агрессивностью, отчужденный от общества»¹¹⁷.

Лишение свободы – неэффективная мера наказания с многочисленными негативными побочными последствиями. При этом тюрьма «незаменима» в том отношении, что человечество не придумало *пока* ничего иного для защиты общества от тяжких преступлений. «Известны все недостатки тюрьмы. Известно, что она опасна, если не бесполезна. И все же никто «не видит» чем ее заменить. Она – отвратительное решение, без которого, видимо, невозможно обойтись»¹¹⁸.

Осознание неэффективности традиционных средств контроля над преступностью, более того – негативных последствий такого распространенного вида наказания как лишение свободы, приводит к поискам альтернативных решений как стратегического, так и тактического характера.

Во-первых, при полном отказе от смертной казни лишение свободы становится «высшей мерой наказания», применять которую надлежит лишь в крайних случаях, в основном при

¹¹³ См. подробнее: Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999; Шаргородский М. Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М.: ГИЮЛ, 1957.

¹¹⁴ Mathisen T. The Politics of Abolition. Essays in Political action Theory // Scandinavian Studies in Criminology. Oslo-London, 1974; Albanese J. Myths and Realities of Crime and Justice. Third Edition. Apocalypse Publishing, Co, 1990; Hendrics I, Byers B. Crisis Intervention in Criminal Justice. Charles C Thomas Publishing, 1996; Rotwax H. Guilty. The Collapse of Criminal Justice. NY: Random House, 1996; и др.

¹¹⁵ Пирожков В. Ф. Влияние социальной изоляции в виде лишения свободы на психологию осужденного // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1981. Вып. 35. С. 40–50; Хохлаков Г. Ф. Формирование правосознания у осужденных. М., 1985; Он же. Парадоксы тюрьмы. М.: Юридическая литература, 1991.

¹¹⁶ Гернет М. Н. В тюрьме: Очерки тюремной психологии. Юр. Издат. Украины, 1930.

¹¹⁷ Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд. М.: Проспект, 2009. С. 18.

¹¹⁸ Фуко М. Надзирать и наказывать. Указ. соч. С. 339.

совершении насильственных преступлений и только в отношении взрослых (совершеннолетних) преступников.

Во-вторых, в странах Западной Европы, Австралии, Канаде, Японии преобладает *краткосрочное* лишение свободы. Обычно сроки исчисляются неделями и месяцами, во всяком случае – до 2-3 лет, т. е. до наступления необратимых изменений психики.

В-третьих, поскольку сохранность или же деградация личности существенно зависят от *условий* отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях, постольку в современных цивилизованных государствах поддерживается достойный уровень существования заключенных (нормальное питание, санитарно-гигиенические и «жилищные» условия, медицинское обслуживание, возможность работать, заниматься спортом, встречаться с родственниками), устанавливается режим, не унижающий их человеческое достоинство, а также существует система *пробаций* (испытаний), позволяющая строго дифференцировать условия отбывания наказания в зависимости от его срока, поведения заключенного и т. п.¹¹⁹.

В – четвертых, все решительнее звучат предложения по формированию и развитию *альтернативной*, не уголовной юстиции для урегулирования отношений «преступник – жертва», по переходу от «возмездной юстиции» (*retributive justice*) к юстиции возмещающей, восстанавливающей (*restorative justice*)¹²⁰. Суть этой стратегии состоит в том, чтобы с помощью доброжелательного и незаинтересованного посредника (некто в роде «третейского судьи») урегулировать отношения между жертвой и преступником.

Проведенный автором контент-анализ докладов на одиннадцати европейских криминологических конференциях (2001-2011) и четырех мировых конгрессах (всего свыше 6500 докладов)¹²¹ показывает, в частности, что во многих докладах затрагивались вопросы альтернативных лишению свободы мер наказания, электронного слежения и медиации¹²², пока еще почти не практикуемой в России. Медиация обсуждалась на всех мировых конгрессах. В Сеуле был доклад «Медиация против тюремного заключения» («Mediation versus imprisonment»).

В целом речь идет о переходе от стратегии «войны с преступностью» (*War on crime*) к стратегии «сокращения вреда» (*Harm reduction*). Об этом прямо говорится в 11-й Рекомендации доклада Национальной Комиссии США по уголовной юстиции: «изменить повестку дня уголовной политики от „войны“ к „миру“»¹²³. «Уменьшить надежды на тюремное заключение и обратить больше внимание на общественное исправление (*community correction*)» советует S. Варсан в своей книге¹²⁴.

«Реализация уголовного закона может стать совершенно непереносимой для общества, заблокировав иные социальные процессы... Разумное снижение объема законного насилия

¹¹⁹ Подробнее см.: Correctional Institutions in Japan. Correctional Bureau Ministry of Justice, 1985; Ingstrup O. Only those who believe can stay the Course in turbulent Times: A Value-based, strategic approach to the Management and development of Corrections. Canadian Centre for Management Development, 1995; Champion D. J. Corrections in the United States. A Contemporary Perspective. Fourth Edition. NJ: Pearson Prentice Hall, 2005; King R., McDermott R. The State of our Prisons. Oxford: Clarendon Press, 1995; Setter R. Corrections: An Introduction. NJ.: Pearson Prentice Hall, 2005. А также: От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли. Финский опыт сокращения числа заключенных / сост. И. Г. Ясавеев. Хельсинки, 2012.

¹²⁰ Зер Х. Восстановительное правосудие: Новый взгляд на преступление и наказание. М., 1998; Abolitionism in History: On another Way of Thinking. Warsaw, 1991; Considine J. Restorative Justice: Healing the Effects of Crime. Ploughshares Publication, 1995; Contemporary Justice Review: Issues in Criminal, Social and Restorative Justice: Special Issue on The Phenomenon of Restorative Justice, 1998. Vol. 1 № 1.

¹²¹ См.: Гишинский Я. И. Некоторые тенденции мировой криминологии. В: Российский ежегодник уголовного права 2012. СПб: СПбГУ, 2013.

¹²² Медиация – одна из современных технологий альтернативного урегулирования конфликтов (между обвиняемым и потерпевшим, между заключенным и администрацией пенитенциарного учреждения и т. п.) с участием третьей нейтральной, не заинтересованной в данном конфликте стороны – медиатора, который помогает сторонам выработать определенное соглашение.

¹²³ Donziger S. The Real War on Crime: The Report of the National Criminal Justice Commission. Harper Collins Published, Inc, 1996, p. 218.

¹²⁴ Barkan S. Criminology. A Sociological Understanding. Prentice Hall. Upper Saddle River. 1997, p. 542.

может в большей степени обеспечить интересы страны... Наказание – это очевидный расход и неявная выгода... Следует учитывать хорошо известные свойства уголовного права, состоящие в том, что оно является чрезвычайно затратным и весьма опасным средством воздействия на социальные отношения»¹²⁵

Профилактика. Конечно, как известно со времен Ш. Монтескье («Хороший законодатель не столько заботится о наказании за преступление, сколько о предупреждении преступлений: он постарается не столько карать, сколько улучшать нравы»¹²⁶) и Ч. Беккариа, – «лучше предупреждать преступления, чем наказывать за них». А Вольтер назвал предупреждение преступлений «истинной юриспруденцией».

Под предупреждением (профилактикой, превенцией) преступности и иных форм девиантности понимается такое воздействие общества, институтов социального контроля, отдельных граждан на криминогенные (девиантогенные) факторы, которое приводит к сокращению и/или желательному изменению структуры преступности и к несовершению потенциальных преступных деяний.

Но насколько профилактика реалистична и эффективна, может ли она служить панацеей от криминальных бед¹²⁷?

Во-первых, что служит *объектом* превенции, если преступность есть некий конструкт, продукт договоренности или субъективных решений (релятивность и конвенциональность преступности). Если, как было показано выше, согласно букве уголовного закона 100 % взрослого населения страны – уголовные преступники, то кто же кого будет «профилактировать»?

Во-вторых, превенция предполагает воздействие на *причины* девиантности, преступности. Но кто сегодня решится сказать, что он знает эти причины? В отечественной и зарубежной литературе называются сотни «причин» и факторов, известны десятки респектабельных концепций причин преступности и девиантности. Какие из них «принять за основу» и применять в профилактической деятельности?

Не удивительно, поэтому, *в – третьих*, что до сих пор нет достаточно убедительных данных об *эффективности* той или иной превентивной деятельности. В книге Д. Грэхема и Т. Бенетта собран большой материал по наиболее перспективным программам превенции в странах Европы и Северной Америки. Но их успешность и результативность чаще всего не выявлены¹²⁸.

Наконец, *в – четвертых*, существует серьезная опасность вырождения профилактики в попрание элементарных прав человека, ибо превенция всегда есть *интервенция* в личную жизнь. Проводя связь между «инструментальной рациональностью» превенции и Аушвицем (Освенцимом), Н. Steinert говорил в 1991 г.: «Я вижу в идее превенции часть серьезнейшего заблуждения этого столетия»¹²⁹.

Конечно, все это не исключает разработку и совершенствование мер профилактики преступлений, равно как совершенствование системы наказаний. Но надо ясно понимать, что ни профилактика, ни наказания, ни деятельность полиции и уголовной юстиции не в состоянии *существенно повлиять* на уровень и динамику преступности, которая, с одной стороны суть социальный конструкт (сконструированный властью, режимом в интересах, прежде всего,

¹²⁵ Жалинский А. З. Указ. соч. С. 9, 15, 18, 56, 68.

¹²⁶ Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 201.

¹²⁷ Помимо приводимых ниже суждений, см. также: Lab S. Personal Opinion: Alice in Crime Prevention Land (With Apologies to Lewis Carroll) // Security Journal, Perpetuity Press Ltd. Vol. 12, № 3, 1999, pp. 67-68.

¹²⁸ Ррэхем Д., Бенетт Т. Стратегии предупреждения преступности в Европе и Северной Америке. Хельсинки: HEUNI, 1995. См. также: Hendrics J, Byers B. Crisis Intervention in Criminal Justice. Charles C Thomas Publ., 1996.

¹²⁹ Steinert H. The Idea of Prevention and the Critique of Instrumental Reason. In: Albrecht G., Ludwig-Mayerhofer W. (Eds.) Version and Informal Social Control. Berlin: Walter de Gruyter and Co., 1995, pp. 5-16.

власти, режима), а с другой стороны – обусловлена неустранимыми социальными факторами (прежде всего, социально-экономическим неравенством).

Некоторые выводы

- Преступность была, есть и будет в любом государстве, ибо им же и создается (конструируется).
- Социально-экономическое неравенство – один из главных криминогенных факторов.
- Наказание – вынужденный, но малоэффективный (точнее – неэффективный) метод противодействия преступности.
- Осознавая неизбежность преступности, неэффективность и негативные последствия традиционных мер наказания (прежде всего – лишения свободы при абсолютной недопустимости смертной казни), следует сосредоточить внимание на поисках и повышении эффективности мер наказания, альтернативных лишению свободы.
- Необходима массовая декриминализация незначительных, излишне криминализованных деяний (для России – ст. ст. 116, 128-1, 140, 168, 176, 177, 180, 185-1, 185-2, 185-3, 185-4, 185-6, 193, 198, 199-1, 222, 228, 228-3, 228-4, 242, 242-1, 244, 329 УК РФ и многие другие, преобразуемые в административные проступки или гражданско-правовые деликты).
- Требуется реализация принципа «*минимум репрессий*». Безусловная законодательная отмена смертной казни; отношение к лишению свободы как к «высшей мере наказания», применяемой, как правило, только в отношении совершеннолетних лиц, совершивших насильственные преступления.
- Необходима либерально-демократическая реформа *судов* (обеспечение их реальной, а не только провозглашенной независимости), *полиции* (как *сервисной* службы, предоставляющей *услуги* населению по обеспечению безопасности людей) и *уголовно-исполнительной системы*. Абсолютная недопустимость пыток и отказ от репрессивных условий содержания лиц, осужденных к лишению свободы.
- Формирование *альтернативной* «восстановительной» юстиции (*restorative justice*), обеспечивающей права и интересы потерпевших вне рамок уголовного правосудия.
- Воспитание либерально-демократического *правосознания* населения (с помощью СМИ, в образовательных учреждениях, в процессе гласной правоприменительной деятельности реформированных полиции, судов, иных правоохранительных органов).

Социальный контроль над преступностью: понятие, российская реальность, перспективы¹³⁰

Следует отказаться от надежд, связанных с иллюзией контроля.
Н. Луман

I. Определимся с понятиями

Современный мир постмодерна, помимо прочего, характеризуется ростом разнообразия проявлений девиантности – типов поведения, нарушающего нормы, установленные государством (право) или выработанные обществом (мораль). Сбывается «прогноз» П. Хиггинса и Р. Батлера: «Феномен девиации – интегральное будущее общества»¹³¹. Происходит размывание границ между «девиантным» и «нормальным» поведением¹³². Одновременно наблюдается «кризис наказания» – неэффективность традиционных форм социального контроля над преступным (вообще девиантным) поведением. В этих условиях все большее значение приобретает выработка стратегии и тактики *социального контроля* над преступностью.

Под *социальным контролем* в самом широком смысле понимается *механизм самоорганизации (саморегуляции) и самосохранения общества путем установления и поддержания в данном обществе нормативного порядка и устранения, нейтрализации, минимизации норма-рушающего – девиантного поведения*¹³³.

Возможно, что стремление к порядку является врожденным у человека. Во всяком случае, все научные, философские, религиозные построения направлены на раскрытие закономерностей (= порядка!) Мира или привнесение Порядка в Хаос Бытия. В широком, общенаучном смысле *порядок* есть определенность, закономерность расположения элементов системы и их взаимодействия друг с другом. Применительно к обществу под *порядком* понимается определенность, закономерность структурирования общества и взаимодействия его элементов (сообществ, классов, групп, институтов).

Один из основных вопросов социологии: как и почему возможно существование и сохранения общества? Почему оно не распадается под воздействием борьбы различных, в том числе – антагонистических, интересов классов, групп?¹³⁴ Проблема порядка и социального контроля обсуждалась всеми теоретиками социологии от О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса, Э. Дюркгейма до П. Сорокина, Т. Парсонса, Р. Мертона, Н. Лумана и др.

Эпоха Просвещения и XIX век были пронизаны верой и надеждой по поводу возможности успешного социального контроля и «порядка». Надо только прислушаться к советам просветителей, мнению ученых и немножко потрудиться над приведением реальности в соответствие с Разумом...

¹³⁰ Российский ежегодник уголовного права. № 7. 2013. СПб ГУ, 2014. С. 42–58.

¹³¹ Higgins P., Butler R. Understanding Deviance. McGraw-Hill Book Company, 1982.

¹³² См. подробнее: Гольберт В. 1) Нормально или девиантно различать между нормой и девиацией? В: Конструирование девиантности / ред. Я. Гишинский. СПб, 2011. С. 35–54; 2) Девиантнормализация в контексте потребительской культуры. В: Девиантность в обществе потребления / ред. Я. Гишинский, Т. Шипунова. СПб, 2012. С. 81–100.

¹³³ См. подробнее: Гишинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд. СПб, 2013. С. 506–521.

¹³⁴ Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1985. С. 27, 70.

Однако, социальная практика XX века с двумя мировыми войнами, «холодной войной», сотнями локальных войн, гитлеровскими и ленинско-сталинскими концлагерями, Холокостом, геноцидом, правым и левым экстремизмом, терроризмом, фундаментализмом и т. п. – разрушила иллюзии и мифы относительно «порядка» и возможностей социального контроля (кто-то из современников заметил: человеческая история разделилась на «до» Освенцима и «после»). Сумма преступлений, совершенных государствами – «столпами порядка», стократ превысила преступления одиночек.

А в эпоху современного постмодерна сложилась ситуация, которую З. Бауман высказал 21.04.2011 г. в своем выступлении перед студентами МГУ: «Мы летим в самолете без экипажа в аэропорт, который еще не спроектирован...».

Не удивительно, что постмодернизм в социологии и криминологии конца XX в., начиная с Ж. Ф. Лиотара и М. Фуко, приходит к отрицанию возможностей социального контроля над девиантными проявлениями, выраженному категорически и лаконично Н. Луманом в словах, избранных эпиграфом к этой статье. И хотя вероятно, что реалистически-скептический постмодернизм – как реакция на иллюзии прекраснотушного Просвещения – является столь же односторонним, сколь само Просвещение, однако некоторые соображения общенаучного характера (в частности, закон возрастания энтропии в системе) склоняют нас на сторону постмодернизма. Во всяком случае «победа порядка над хаосом никогда не бывает полной или окончательной... Попытки сконструировать искусственный порядок в соответствии с идеальной целью обречены на провал»¹³⁵.

В целом *социальный контроль сводится к тому, что общество через свои институты задает ценности и соответствующие им нормы; обеспечивает их трансляцию (передачу) и социализацию (усвоение, интериоризация индивидами); поощряет за соблюдение норм (конформизм) или допустимое, с точки зрения общества, реформирование; упрекает (наказывает) за нарушение норм; принимает меры по предупреждению (профилактике) нежелательных форм поведения.*

Между тем, иллюзорен социальный контроль над девиантностью, включая преступность, или нет, – общество и государство всегда будут предпринимать попытки элиминировать или минимизировать нежелательные «здесь и сейчас» виды девиантного поведения и, прежде всего, преступность.

Контроль над преступностью – один из видов социального контроля. Поскольку преступность (что бы ни вкладывалось в это понятие в различные эпохи у разных народов) издавна воспринималась как самая опасная форма «отклонений», постольку и средства воздействия на лиц, признанных преступниками, применялись самые жесткие (жестокие). История человечества знает все мыслимые и немыслимые виды пыток, квалифицированных видов смертной казни, калечения¹³⁶. Но преступность не покидает общество...

В узком смысле социальный контроль над преступностью – *совокупность средств и методов воздействия общества на преступное поведение с целью его элиминирования (устранения) или сокращения, минимизации.*

Социальными *регуляторами* человеческого поведения служат выработанные обществом *ценности* (как выражение отношения человека к тем или иным объектам и значимым для людей свойствам этих объектов) и соответствующие им *нормы* (правовые, моральные, обычаи, традиции, мода и др.), т. е. правила, образцы, стандарты, эталоны поведения, устанавливаемые

¹³⁵ Бауман З. Мыслить социологически. М., 1996. С. 192, 193.

¹³⁶ См. подробнее: Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М., 1999; Шаргородский М. Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М., 1957.

государством (право) или же формируемые в процессе совместной жизнедеятельности, а средством передачи (трансляции) тех и других – *знаки*¹³⁷.

Следует заметить, что нами сознательно не употребляется широко распространенное в быту и отечественной науке понятие «борьба с преступностью». С. С. Босхолов совершенно верно, с моей точки зрения, отмечает ущербность широко распространенной стратегии «борьбы с преступностью». Приведем длинную, но принципиально важную цитату. «Слово „борьба“... толкуется как схватка, сражение, поединок, главной целью которых является подавление, искоренение, уничтожение чего-нибудь или кого-нибудь. Борьба зачастую предполагает непримиримое противостояние вступивших в нее сторон с конечной целью победы, для достижения которой могут быть использованы любые средства... Увлечись борьбой (а борьба всегда увлекает, завораживает и даже ослепляет борющихся), те, кто призваны по долгу службы вести ее против преступности, зачастую переходят грань, которая разделяет право и произвол, законность и беззаконие... Призывы к войне с преступностью, усилению борьбы с нею, по сути дела, ставят перед органами уголовной юстиции, государством и обществом несодержательную цель. Они не только дезориентируют, но и дезорганизуют их деятельность по обеспечению безопасности и правопорядка, влекут, как правило, массовые нарушения законности, прав и свобод граждан»¹³⁸. Добавлю к этому, что в нашем недавнем прошлом осуществлялась непрерывная «борьба» с «врагами народа», «членами семей врагов народа», «безродными космополитами», «убийцами в белых халатах», в результате чего были уничтожены миллионы безвинных соотечественников...

Контроль над преступностью включает:

– установление того, *что именно* в данном обществе расценивается как преступление (*криминализация деяний*);

– установление *системы санкций* (наказаний) и конкретных санкций за конкретные преступления;

– формирование институтов *формального* социального контроля над преступностью (полиция, прокуратура, суд, органы исполнения наказания, включая пенитенциарную систему, и т. п.);

– определение *порядка деятельности* учреждений и должностных лиц, представляющих институты контроля над преступностью;

– *деятельность* этих учреждений и должностных лиц по выявлению и регистрации совершенных преступлений, выявлению и разоблачению лиц, их совершивших, назначению наказаний в отношении таких лиц (преступников), обеспечению исполнения назначенных наказаний;

– деятельность институтов, организаций, физических лиц по осуществлению *неформального* контроля над преступностью (от семьи и школы до общины, клана, землячества, «соседского контроля» – *neighbourhood watch*);

– деятельность многочисленных институтов, учреждений, должностных лиц, общественных организаций по *профилактике* (предупреждению) преступлений.

Нелишне напомнить, что решающую роль в определении стратегии и тактики социального контроля над преступностью, а также их повседневной реализации играет *политический режим*¹³⁹.

Политический режим, независимо от формы организации власти (республика президентская или парламентская, монархия абсолютная или ограниченная), определяет, в конечном счете, политическую жизнь страны, реальные права и свободы граждан (или же юридическое

¹³⁷ Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М... 1969. С. 210.

¹³⁸ Босхолов С. С. Основы уголовной политики. М., 1999. С. 38–39.

¹³⁹ Подробнее см.: *Политический режим и преступность* / ред. В. Н. Бурлаков, Ю. Н. Волков, В. П. Сальников. СПб., 2004.

или фактическое их бесправие), терпимость или нетерпимость к различного рода «отклонениям», включая преступность и реальную политику в отношении «девиантов», «преступников».

Именно *режим конструирует* различные виды девиантности, включая преступность, определяет санкции в отношении девиантов (преступников), формирует отношение к ним населения. Так, проводимая тоталитарными режимами политика запрета всяческих «отклонений», криминализация большинства из них сопровождается активным пропагандистским воздействием на сознание, взгляды и представления людей. И небезуспешно. Вспомним, как взгляды и нормы цивилизованного германского общества, существовавшие до установления гитлеровского фашистского режима, были в короткие сроки трансформированы под воздействием расистских, националистических воззрений правящей верхушки и умелой пропаганды ведомства Геббельса. Да и печальный отечественный опыт дает немало примеров трансформации, перерождения и вырождения нравственных ценностей и традиций.

II. Немного о преступности в современной России

С 1950-х – 1960-х годов в РСФСР, а затем и в постсоветской России наблюдался рост объема и уровня (в расчете на 100 тыс. населения) преступности и большинства ее видов¹⁴⁰. Однако с 2002-2007 годов, по данным МВД РФ, фиксируется ежегодное сокращение объема и уровня преступности и ее видов. Так, уровень убийств снизился с 23,1 в 2001 г. до 10,1 в 2012 г., т. е. более чем в два раза. Аналогичное снижение наблюдается по другим тяжким насильственным преступлениям, грабежам (с 250,3 в 2006 г. до 70,4 в 2012), разбоям (с 44,4 в 2005 г. до 13,7 в 2012 г.) и большинству иных видов преступности. Это можно было бы объяснить традиционным для России сокрытием преступлений от регистрации и ростом латентности, если бы не сокращение объема и уровня преступности с конца 1990-х – начала 2000-х гг. в Европе, Азии, Африке, Северной Америке, Австралии и Новой Зеландии. Причем в США и ряде европейских стран уровень убийств сократился так же, как в России, примерно в два раза. Так, уровень убийств сократился в Колумбии с 72,2 в 2002 г. до 33,2 в 2011 г., в Японии с 0,6 в 2004 г. до 0,3 в 2011 г., в Германии с 1,2 в 2002 г. до 0,8 в 2011 г., в Литве с 10,6 в 2000 г. до 6,4 в 2011 г., в Эстонии с 11,4 в 1999 г. до 4,8 в 2011 г.¹⁴¹

¹⁴⁰ См., напр.: Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. СПб., 2009. С. 77–80.

¹⁴¹ International Homicide, Count and Rate per 100 000 population (1995-2011). UNODC, 2013.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.